

Мишель ЗЕВАКО

МАРГАРИТА БУРГУНДСКАЯ

Серия исторических романов

Мишель Зевако

Маргарита Бургундская

«ВЕЧЕ»

1905

Зевако М.

Маргарита Бургундская / М. Зевако — «ВЕЧЕ», 1905 — (Серия исторических романов)

ISBN 978-5-4444-8851-5

Париж, 1314 год. На французском троне король Людовик X Сварливый, бездарный правитель из династии Капетингов, отдавший власть в государстве своему дяде – графу де Валуа. Его жестокий соперник – Ангерран де Мариньи, первый министр королевства – всеми силами пытается сохранить для себя привилегии времен Железного короля Филиппа IV. В стране царят бесчинства и произвол. Бакалавр из Сорбонны Жан Буридан и его отважные друзья объявляют войну двору Капетингов и лично Маргарите Бургундской, коварной властительнице, для которой не существует ни преград, ни угрызений совести. Обстоятельства складываются так, что главным противником государства становится не внешний враг – Фландрия, а внутренний – королевство нищих, бродяг и опасных мятежников, именуемое Двором чудес. «Маргарита Бургундская» – вторая книга серии «Тайны Нельской башни» знаменитого французского писателя Мишеля Зевако. На русском языке публикуется впервые.

ISBN 978-5-4444-8851-5

© Зевако М., 1905

© ВЕЧЕ, 1905

Содержание

Предисловие	6
I. Радость и ужас Валуа	8
II. Королева тоскует	18
III. Братья	24
IV. Жийона продолжает мстить	28
V. Особняк Валуа	37
VI. Пленник Буридана	48
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Мишель Зевако

Маргарита Бургундская

© Самуйлов Л.С., перевод на русский язык, 2013

© ООО «Издательство „Вече“», 2013

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия, 2016

Предисловие

Жизнь французского писателя Мишеля Зевако, автора захватывающих романов плаща и шпаги, была не менее яркой и бурной, чем его собственные книги. Он родился 1 февраля 1860 года в родном городе Наполеона – славном Аяччо, столице острова Корсика. Учитель литературы, потерявший работу в коллеже из-за интрижки с женой муниципального советника, дерзкий и недисциплинированный солдат драгунского полка, заработавший за 4 года службы в общей сложности 88 суток ареста и имевший 118 приводов в полицию, пламенный журналист, не раз попадавший в тюрьму за свои анархистские воззвания. Этот отчаянный дрейфусар и дуэлянт на рубеже XIX и XX веков наконец нашел себя и стал писателем, снискав славу «последнего романтика уходящей эпохи», достойного наследника литературных традиций Дюма-отца и Виктора Гюго. Его историко-авантюрные романы из жизни Средневековой Европы – «Капитан», «Пардайяны», «Мост вздохов», «Нострадамус», «Буридан, герой Нельской башни» – не раз служили материалом для успешных кинолент и драматических постановок. Успех сопровождал Зевако до последних дней. Он умер 8 августа 1918 года в городке Обонн, неподалеку от Парижа. Лучшие книги писателя и поныне пользуются большой популярностью у читателей во многих странах мира.

События цикла «Тайны Нельской башни» происходят в первый год правления короля Людовика X, сына Железного короля Филиппа Красивого. В делах государственных молодой монарх, прозванный в народе Сварливым, оказался правителем недальновидным и слишком импульсивным, прислушивающимся в основном к советам своего дяди, графа Карла де Валуа. Несмотря на скрытую неприязнь, прислушивался Людовик и к мнению своего первого министра Ангеррана де Мариньи, человека более опытного, служившего еще при Железном короле.

В молодости Мариньи был любовником герцогини Маргариты Бургундской, которая теперь стала королевой Франции. От этой тайной связи у них родилась дочь. Девушка, которую назвали Миртиль, росла вдали от двора, не зная ничего ни о своей матери, ни о том, сколь высокое положение в королевстве занимает ее отец, на тот момент уже ставший первым министром.

Непримиримый враг Мариньи – граф де Валуа одно время был влюблен в Анну де Драмман, знатную даму из Дижона, родившую ему сына. Но чувства ветреного графа быстро угасли. Новым объектом внезапной страсти соперника Мариньи стала все та же прекрасная и обольстительная Маргарита Бургундская. Ответив ему взаимностью, дочь герцога Бургундского в порыве дикой ревности приказала утопить сына Валуа и Анны де Драмман. Но слуга графа, некто Ланселот Бигорн, ослушался приказа и сохранил ребенку жизнь.

Воспитанный приемными родителями, мальчик вырос и стал мужчиной. Он взял себе фамилию Буридан. Миртиль тоже выросла. Судьбе было угодно, чтобы молодые люди, ничего не знающие о прошлом своих родителей, встретились и полюбили друг друга. Препятствием их любви стала ненависть между Мариньи и Валуа, а новая страсть Маргариты Бургундской стала их смертным приговором.

Жан Буридан, храбрый юноша, бросивший вызов первому министру Франции, привлек внимание королевы. Маргарита Бургундская назначает свидание Буридану и его друзьям, братьям д'Онэ, в своем тайном прибежище – заброшенной башне на берегу Сены. По Парижу давно уже бродят слухи, что тот, кто переступит порог этой страшной цитадели, сгинет в ней навсегда.

Но над головой развратной королевы давно сгущаются тучи.

Женщина в черном, Анна де Драмман, готовит страшную месть. Под именем гадалки Мабель эта женщина поступила на службу к королеве и медленно начала плести свою паучью

сеть, завлекая все новых и новых любовников Маргариты Бургундской в альковы Нельской башни.

И вот роковой день настал. Людовику становится известно, что кто-то из его придворных предает своего короля. Захваченная в плен колдунья предупреждает монарха: предатель затаился где-то рядом, и этот предатель – женщина...

Роман «Маргарита Бургундская» является второй книгой трилогии о Буридане.

В. Матюченко

I. Радость и ужас Валуа

Тот предзакатный час, когда король Людовик Сварливый отправился посмотреть на заключенную в Тампле колдунью и разговаривал с Мабель, полагая, что разговаривает с Миртиль, граф де Валуа провел более спокойно, чем предыдущие несколько часов. Его Величество остался доволен – ничего другого на данный момент и не требовалось.

«Будет ли женщина, занявшая место Миртиль, сожжена или не будет, теперь не так уж и важно. Пожелает король увидеть ее вновь у себя в Лувре или же нет, мне это уже никак не навредит. Король никогда не узнает о подлоге. Эта женщина не может меня предать, поскольку она, рискуя своей жизнью, хочет спасти Миртиль. Единственный, кто мог бы меня предать, – это Марины. Но и он этого не сделает, поскольку Миртиль – его дочь!»

Так рассуждал граф де Валуа, и в результате этих рассуждений ночь, которая грозила стать для него ужасной, прошла самым безмятежным образом.

Утром он первым делом осведомился о Симоне Маленгре, но тот в Тампле даже и не появлялся. Граф де Валуа прождал два часа, а затем, сгорая от нетерпения, отправился в свой особняк, но и там его достойнейшего слугу не видели.

Мы говорим «достойнейшего слугу» не красного словца ради. Симон Маленгр действительно старался использовать всё то коварное терпение и хитрое лукавство, коими его от щедрот своих наделила природа, во имя служения своему хозяину. Как бы там ни было, но Симон решил не возвращаться в дом Валуа без Миртиль, тем более что приказ хозяина на этот счет был категоричным.

После отъезда лучников, которые увезли Мабель, Маленгр, стало быть, вернулся в Дом с привидениями на кладбище Невинных, размышляя так:

«Малышка определенно находится в доме, вот только где? Пока я буду искать в подвале, она может укрыться на чердаке, а если начну с чердака, она может затаиться в подвале; и в том, и в другом случае она от нас ускользнет».

Вот почему Маленгр начал с того, что полностью починил дверь, которую с таким трудом выбили лучники Валуа; он вновь поставил ее на петли, запер висячим замком и завалил вход стульями, столом и прочими предметами обстановки, словно сам собирался выдержать в доме продолжительную осаду или надолго остаться там пленником.

Лишь тогда он довольно потер руки. Да, он был пленником, но в плену вместе с ним оказалась и Миртиль.

«А теперь я поищу, – сказал он себе. – Она не может выпрыгнуть в одно из окон, так как все они зарешечены, как не может выйти и через дверь, завалы перед которой не расчистишь и за пару часов. В общем, деваться ей некуда».

И Симон Маленгр принялся терпеливо обследовать подвал, где простучал все стены и пол, после чего, убедившись, что никакого тайника там нет, повторил ту же операцию на первом этаже. После того, как и новые поиски не принесли никакого результата, Симон Маленгр, порядком уставший, решил дожидаться утра и, улегшись поперек забаррикадированной двери, уснул тем сном, каким спят зайцы и тигры – одни от страха, другие для того, чтобы всегда быть готовыми броситься на жертву, – то есть сном вполглаза.

Утром он возобновил поиски, обыскав второй этаж так же тщательно, как прежде подвал и первый этаж. Ближе к полудню он перешел в лабораторию, уже начав спрашивать себя, действительно ли Миртиль прячется в доме.

«Если ее здесь нет, – размышлял он, – мой дорогой сеньор граф де Валуа, которому я клятвенно обещал, что он обнаружит здесь эту малышку, прикажет меня повесить, и никакие напоминания о моих прошлых и особенно будущих услугах его не разжалобят, – уж я-то этого человека знаю. В момент гнева он распорядится вздернуть меня на первом же дереве, пусть потом сам же, глупец, об этом и пожалеет. Да, но и я не оплошаю, если не найду здесь эту прекрасную птичку, которую должен поместить в клетку, начну с того, что удуш Жийону, а затем, нигде не показываясь, ударюсь в бега... Так, так, так... Это еще что за шум?»

Шум доносился из угла лаборатории: кто-то едва слышно стучал в стену за полками, на которых стояли флаконы и мензурки Мабель. Широкая улыбка быстро перечеркнула тощую физиономию Маленгра. Замерев на месте с округлившимися глазами, он вытянул шею в сторону, откуда доносились звуки. Вскоре шум повторился. Маленгр потер указательным пальцем ноздрю, улыбнулся уже во весь рот и покачал головой. Выглядел он столь же комично, сколь и пугающе. Неподвижный, он напоминал кота, учуявшего мышь. Его безмолвный смех заставил бы содрогнуться любого из смертных. Он думал:

«Она здесь, наша дорогая малышечка. Хе-хе!.. Вот и попалась! А ведь можно подумать, что это действительно мышка скребется... Но к чему так стучать?.. Гм!.. Не так сильно, моя прекрасная мышка, святыми ангелами заклинаю, не так сильно, не то я вас услышу... Она, верно, стучит, чтобы позвать эту достойную женщину, и так как не получает ответа и не слышит никакого шума, то полагает, что спасена... В этот момент она говорит себе, что в доме уже никого нет... и что она может высунуть наружу кончик носа... сейчас ее изящная ручка ощупывает стену тайника в поисках лаза... вот уже и доски затрещали, а я тут как тут! Никогда еще так не забавлялся... А вот и она!»

Следующее мгновение было ужасным. Несчастливая мышка – то есть Миртиль – действительно открыла дверцу тайника. И тотчас же взгляд ее упал на Маленгра, который, стоял посреди лаборатории с приложенным к ноздре пальцем, вытянутой шеей и широченной улыбкой на худом лице. Неподвижный, комичный, безобразный, он так и пожирал ее глазами! Девушка вздрогнула, даже не попытавшись бежать, даже не вскрикнув, – так мышка поднимает лапки, когда чувствует, что на нее вот-вот обрушатся когти кота.

– Эй! – проговорил Маленгр голосом нежным и насмешливым.

Миртиль опять вздрогнула. Резкость и грубость какого-нибудь солдафона и то напугали бы ее меньше, чем эта улыбка и этот голос.

– Давайте, прекрасное дитя, выходите, – продолжал Симон Маленгр. – Выходите... Разве вы не видите, что я вас жду?..

Бедняжка, словно загипнотизированная, еще несколько секунд не могла пошевелиться от страха. Но так как под этой девственной грудью билось отважное сердце, Миртиль преодолела минутную слабость, вызванную внезапным появлением незнакомца. Совладав, пусть и не без труда, с бившей ее нервной дрожью, девушка выбралась из своего укрытия и шагнула навстречу Маленгру.

– Что вы здесь делаете? – спросила она. – Как вы вошли?

– Гм! Как я вошел? Да через дверь, мое прекрасное дитя, через дверь! Так ведь обычно входят в дом нормальные люди? А что до того, что я здесь делаю, то, как видите, просто стою и смотрю. По правде сказать, я ждал вас. Мне было приказано вас подождать.

– Приказано? – пролепетала Миртиль.

– Бог ты мой, да, когда мы прибыли сюда, то начали с того, что арестовали эту славную женщину, которая...

– Арестовали?! – проговорила Миртиль, бледнея. – Но почему? Какое преступление она совершила?

– Это мне неизвестно, клянусь всеми святыми, это мне неизвестно. Вот только она была арестована, а мне было приказано ждать вас, что я и сделал. Так-то вот!

Две слезинки сбежали по бледным щекам девушки, которая прошептала:

– Мать Буридана арестована!.. Бедная добрая матушка, которую я успела уже полюбить и которая так хорошо ко мне относилась!.. Ох! Что с нею будет?

Маленгр не сводил с девушки хитрющих глаз. В конце концов, выглядел он и не так чтобы совсем уж страшно: для тех, кто его не знал, он имел вид скорее смешной – с этим-то его худым узким лицом, тонким, длинным, острым носом и кривыми ногами.

Первый момент ужаса уже прошел, и, позабыв обо всех своих опасениях и тревогах, Миртиль думала лишь об одном несчастье: Мабель арестовали.

Да и Симон Маленгр, довольный тем, что поручение Валуа удалось выполнить, решил проявить изысканную любезность.

– Теперь, дитя мое, – непринужденно произнес он, – вы должны последовать за мной, и как можно скорее. Как видите, я пока соблюдаю приличия; не вынуждайте меня применять силу.

– Последовать за вами?.. Но куда?

– Хе! Сами увидите! В восхитительный дворец, где вас никто не обидит, даю вам слово.

Миртиль отчаянно затрясла головой.

Словно и не заметив этого знака протеста, Симон Маленгр продолжал:

– Мы сейчас спустимся, выйдем, а там, на улице, вы проявите благоразумие и не станете отходить от меня ни на шаг.

Лучик надежды промелькнул в глазах Миртиль.

Разглядев эту надежду, Маленгр вновь потер нос указательным пальцем, на какое-то время задумался, а затем опять улыбнулся своей узкой, длинной улыбкой.

– На улице, конечно же, – сказал он, – вам не составит труда попытаться убежать. И вот что я вам скажу: если вы побежите, я даже не стану вас догонять. Еще легче вам будет закричать, позвать прохожих, и в этом случае я сам унесу ноги, так как не имею ни малейшего желания оказаться побитым камнями у вас на глазах. Как видите, никто не собирается вас неволить; более того, если вы прикажете мне уйти, я сейчас же удалюсь, оставив вас одну. Ха-ха!.. Что скажете на это, дитя мое? Хотите, чтобы я ушел без вас? Говорите, не стесняйтесь, вот только...

Маленгр на секунду остановился, прыснув со смеху. Миртиль дрожала.

– Вот только, – продолжал Симон, – я должен кое о чем вас предупредить. Та славная женщина, которую мы сегодня арестовали, ваша дорогая госпожа...

Миртиль затаила дыхание.

– Так вот, через час она будет повешена, если, конечно, вы не явитесь к тому времени к месту казни. Такие вот дела. Что до меня, то я умываю руки. Бегите, спасайтесь, оставайтесь здесь – делайте, что хотите, но эта женщина, эта дорогая госпожа будет повешена!

И Симон Маленгр, даже не обернувшись, чтобы посмотреть, следует ли за ним девушка, направился к лестнице. Внизу он принялся медленно разбирать укрепления, которые воздвиг у двери.

– Скорее! О! Скорее, умоляю вас! – прошептал возле него голос Миртиль.

– Ха-ха! Так вы решились? Что ж, не волнуйтесь: мы не опоздаем, – это я вам обещаю.

– И вы говорите, что если я явлюсь в то место, куда вы собираетесь меня отвести...

– Ваша дорогая госпожа не будет повешена. И напротив, если через час нас там не увидят...

– Пойдемте! Пойдемте! – сказала Миртиль.

Они вышли. Маленгр по улице шел не спеша, даже не глядя на свою спутницу. Спустя полчаса они вошли в особняк Валуа через небольшую дверцу, никем не замеченные. Маленгр запер девушку в одной из комнат и бегом бросился разыскивать своего хозяина.

– Монсеньор, – промолвил он, представ перед графом де Валуа, – птичка уже в клетке.

Валуа вздрогнул. В черных глазах его вспыхнул огонь, а обветренные щеки задрожали от непередаваемой радости.

– Как тебе это удалось? – спросил он, постаравшись скрыть эмоции, которые, однако же, не ускользнули от Маленгра. – Она не кричала? Среди бела дня это могло бы быть опасно; но ты, конечно же, связал ее и заткнул ей рот кляпом... Надеюсь, ты не причинил ей боли, пройдоха?

– Монсеньор плохо меня знает, – сказал Маленгр, согнувшись вдвое, – если полагает, что я мог осмелиться поднять руку на девушку, которую вы удостоили своими вниманием; нет, я ее не связывал, не затыкал ей рот кляпом, даже пальцем до нее не дотронулся. Нет, она не сопротивлялась, не кричала; она следовала за мной покорно, словно ягненок.

И Маленгр рассказал Валуа, как ему удалось убедить Миртиль последовать за ним. Валуа по достоинству оценил хитрость слуги, наградив его заслуженными комплиментами.

– А теперь, – добавил он, – ступай разыщи Жийону.

Маленгр выскочил за дверь, сбегал за по-прежнему запертой в комнате Жийоной и повел ее к графу, не забыв шепнуть на ушко:

– Если скажешь хоть слово о том, что произошло между нами, я расскажу графу обо всех твоих способах вытягивания из него денег. И напротив, если будешь молчать, обещаю тебе, что вскоре мы станем богатыми.

Лишь теперь Жийона поняла, что Маленгр ее разыграл, чтобы выудить из нее тайну убежища Миртиль, а также золото, которого теперь ей так не хватало.

«Терпение, – сказала она себе, – я с ним еще поквитаться!..»

– Договорились, – произнесла она уже вслух, – я буду молчать. Ты угрожал мне, ограбил, довел до нищеты... но чего не стерпишь ради столь галантного и хорошо сложенного будущего супруга, как ты, Маленгр?

Симон бросил косой взгляд на свою достойную спутницу и подумал:

«Она готовит мне какую-то пакость, нужно быть начеку».

Для отвода глаз он выставил грудь колесом, и наблюдавшая за ним украдкой Жийона пробурчала сквозь зубы:

– Глупец! Ты сторицею мне заплатишь за тот страх, которого я натерпелась, да за эю, которые ты из меня вытянул.

Они вошли в покои графа.

– Жийона, – сказал Валуа, – наш милейший Маленгр обнаружил то место, где пряталась дочь Мариньи.

– Уж кому-кому, а Маленгру-то точно ума не занимать, монсеньор!

– Это правда... И он привел колдунью, которая сейчас находится здесь. Присмотри за ней, Жийона. Ты ее хорошо знаешь, ей же ничего не известно о том, какую роль ты сыграла во всем этом деле, и о том, сколь огромную услугу ты оказала государству и Его Величеству.

– И вам, монсеньор!

– Да... Так что она должна все еще доверять тебе.

– Разумеется. Но если вдруг так окажется, что прежним доверием я у нее уже не пользуюсь, придется внушить ей новое. Монсеньор с этой заменой ничего не потеряет.

– Ты исключительно полезная женщина, Жийона. И я окончательно принимаю тебя в мой дом. Назначаю тебя ответственной за нашу прачечную. Это почетное место и весьма прибыльное; желающих занять его было хоть отбавляй!

– Монсеньор слишком добр ко мне.

– Подожди: то ли еще будет!.. Но не спускай с пленницы глаз! – добавил граф, и в голосе его появились зловещие интонации. – Никто в доме, ни тем более вне дома, не должен знать, что эта девушка находится здесь. Об этом секрете не должна узнать ни одна живая душа, в противном случае я вырву у тебя язык. – (Жийона присела в реверансе.) – Никто не должен к ней приближаться, говорить с ней или же ее видеть, даже Маленгр. Если я узнаю, что она была кем-либо замечена, я выколю глаза сначала тому, кто ее видел, а затем и тебе. – (Новый реверанс Жийоны.) – Наконец, если, по твоей вине или же по вине кого-либо другого этой девушке удастся сбежать из моего дома, ты и твои сообщники будете поджарены на медленном огне в гостиной первого этажа. – (Третий реверанс Жийоны.)

Граф тяжело вздохнул при мысли, что Миртиль может сбежать. Но он был уверен, что в лице Жийоны заполучил надсмотрщицу испытанную и непоколебимую. Он продолжал:

– Я не хочу ее видеть... по крайней мере, не сегодня. Выбери в доме комнату, которая покажется тебе подходящей для наших планов и, если будешь верна и благоразумна, за будущее тебе волноваться не придется.

– Более верной и быть невозможно, монсеньор это знает.

– Да-да, до сих пор ты меня никогда не подводила.

– Что же до благоразумия, то его у меня тоже в достатке, так как приказы монсеньора ясны и понятны, а аргументы, коими он сопровождает свои приказы, всегда убедительны.

– Ступай же! Маленгр приведет к тебе девушку, после чего присоединится ко мне в Тампле. Мой управляющий получит приказ немедленно предоставлять в твоё распоряжение все, в чем ты будешь нуждаться.

Граф махнул рукой, и Жийона с Маленгром исчезли.

– Как видишь, наше будущее уже обеспечено, – сказал Маленгр. – Как видишь, я был прав, когда запугал тебя, чтобы вырвать этот секрет. Как видишь, благодаря мне и благосклонности графа ты стала хозяйкой его прачечной. Когда мы наконец поженимся, Жийона?

Маленгр говорил абсолютно искренне. Фавор и богатство Жийоны ослепляли его до умопомрачения: теперь он видел в ней завидную невесту.

Но пока Симон Маленгр бросал на Жийону взгляды, которые казались ему нежными, тогда как на самом деле были весьма зловещими, Жийона, продолжая идти по длинным коридорам особняка, судя по всему, думала о вещах гораздо более глубоких.

В тот самый момент, когда вдохновленный Маленгр уже собирался сделать ей настоящее признание в любви, Жийона вдруг остановилась, заглянула ему в глаза и сказала:

– Ты мне их вернешь?

– Что именно? – вопрос Маленгра явно озадачил.

– Мои эю, мои бедные эю, которые ты у меня отнял. Верни их мне, Симон, раз уж ты говоришь, что любишь меня.

– Да, я тебя люблю, – сказал Маленгр, – но именно поэтому их тебе и не отдам. Я сохраню их лишь для того, чтобы в день нашей свадьбы ты стала еще более богатой.

Ничего не ответив, Жийона зашагала дальше. Она думала:

«Валуа сказал, что тот, по чьей вине малышка Миртиль убежит, будет поджарен на медленном огне, и он сдержит свое слово, я его знаю».

Размышляя так, она бросила на Маленгра взгляд, преисполненный мрачной иронии, который Симон не заметил или же не понял. Они подошли к комнате, где была заперта Миртиль, и Маленгр передал Жийоне ключ со словами:

– Вот. Теперь разбирайся сама. Меня в Тампле ждет монсеньор.

Граф де Валуа действительно вернулся в Тампль, ставший его официальной резиденцией с тех самых пор, как милостью короля, его племянника, он сделался комендантом крепости.

То была натура неистовая. Ладно скроенный, широкоплечий, с мужественным лицом и твердой походкой, Карл де Валуа, стоило ему надеть латы, становился похожим на одного из тех древних воинов, что, скача на закованных в стальные доспехи конях, выглядели несокрушимыми как скала.

В общем, то был человек жесткий и суровый.

В молодые годы он был полон тщеславных стремлений. Но в огне железо плавится, а железо, по которому бьет кузнец, гнется, его первоначальная твердость претерпевает изменения, если же оно не гнется, то ломается.

Другие на месте Валуа, возможно, и сломались бы. Валуа лишь погнулся. Угодив между этой мощной наковальней, имя которой было – Филипп Красивый, и этим ужасным молотом, который звался Ангерраном де Мариньи, Карл де Валуа мало-помалу смягчил свой буйный и сильный характер: он научился хитрить.

Более того: он научился жить в страхе и мучительном ожидании. Это вечное состояние давления и гнета постепенно переросло в странную неуверенность. Валуа больше не осмеливался желать. Валуа боялся даже побед. В глубине души Валуа строил грандиозные планы, придумывал страшные мщения, но в решающий момент, когда оставалось лишь нанести удар, внезапно отступал.

Его считали очень ловким, отважным и хитрым, тогда как в действительности он был просто слабым.

Когда он вдруг очутился перед только что арестованной в Ла-Куртий-о-Роз Миртиль и уже готов был сразить своего соперника Мариньи, естественная, неистовая натура графа неожиданно дала о себе знать, и в душе его разгорелась страсть. Ради этой страсти граф отказался от давно вынашиваемого плана, который состоял в том, чтобы доказать, что Миртиль хотела насладиться на короля смертоносную порчу, а затем открыть всем, что Мариньи является отцом этой колдуньи.

Для Ангеррана де Мариньи всё это, несомненно, окончилось бы крахом, ссылкой или же тюрьмой и, возможно, эшафотом.

Влюбившись в дочь первого министра, Валуа был вынужден отказаться от столь жестокой мести, но он сказал себе, что месть будет еще более прекрасной, если когда-нибудь он сможет бросить отцу Миртиль в лицо одну только фразу:

– Твоя дочь стала моей любовницей!

Теперь Миртиль была в его власти. Его любовь к ней и его ненависть к Мариньи великолепно гармонировали, однако Валуа все еще колебался.

К удивлению Симона Маленгра, граф уехал, почти бежал из дому, даже не взглянув на Миртиль. Ни малейшей жалости в сердце, ни намек на чуткость и деликатность – лишь кровавая радость при мысли о том, что он держит Миртиль при себе, и всё, что ему нужно, – это лишь занести над ней руку.

Вот только Валуа теперь приходилось менять порядок действия. Прежде всего, он должен избавиться от Мариньи – это становилось для него неизбежной необходимостью. В душе графа жил страх.

Явившись в Тампль, он вызвал к себе одного из ключников и в сопровождении этого человека спустился в темницу. Валуа не знал наверняка, что хочет сделать с этой женщиной, которая добровольно согласилась занять место Миртиль, лишь смутно надеялся на то, что ему удастся получить от нее хоть какие-то сведения о душевном состоянии девушки. Граф один вошел в камеру. Увидев его, Мабель мрачно улыбнулась: она уже и не рассчитывала на то, что ей удастся побеседовать с Валуа с глазу на глаз.

– Женщина, – сказал Валуа, – я пришел поговорить с тобой о той девушке, которая должна быть на твоём месте и вместо которой ты согласилась умереть. Твоя казнь – пусть она и была отложена по прихоти короля, который желает видеть тебя у себя в Лувре – все равно

состоится. Я могу лишь смягчить твои последние мгновения, избавив тебя если и не от смерти, то, по крайней мере, от страданий.

– Что вы хотите от меня услышать, Карл де Валуа?

– Я хочу, чтобы ты мне рассказала про эту Миртиль, описала ее характер, вкусы, предпочтения...

Мабель смерила Валуа долгим, насквозь пронизывающим взглядом и спросила:

– Она на свободе?.. Вы сдержали клятву, которую дали у образа Иисуса?

– Я сдержал мою клятву, – сказал Валуа.

– Она на свободе?..

– Я сдержал мою клятву, – повторил Валуа.

– Вы мне не ответили, – воскликнула Мабель и попыталась подойти на шаг ближе, но цепи были короткими, и, тяжело вздохнув, она вернулась на место, встав у стены.

– Это ты мне не ответила! – улыбнулся Валуа.

Под маской в глазах Мабель полыхнул такой огонь, что Валуа стало немного не по себе.

– Значит, Миртиль не на свободе! – прохрипела Мабель, скорее всего, говоря сама с собой. – Что ж, – продолжала она чуть громче, – я могу рассказать вам о ней; это будет для меня последним утешением. Так вот: ее характер, вкусы, предпочтения, вся Миртиль заключается в трех словах: она любит Буридана.

Валуа заскрежетал зубами.

Буридан!

О! Этого негодяя он ненавидел даже больше, чем Мариньи...

– Терпение, – сказал он громким голосом, тогда как в действительности говорил это для себя, – терпение! Казнь этого разбойника – лишь вопрос времени! Он сейчас в надежных руках...

– Ты хочешь сказать, Валуа, что Буридан находится во власти королевы, не так ли?

– Именно. Я лично присутствовал при его аресте, в Пре-о-Клер.

– Буридан бежал, – холодно промолвила Мабель.

– Бежал! – ухмыльнулся Валуа. – Да ты сошла с ума, женщина. Впрочем, речь сейчас не об этом...

– Буридан освободит Миртиль, которую ты, клятвопреступник, удерживаешь у себя, несмотря на данное слово...

– О! Так ты и в самом деле колдунья?.. – пробормотал Валуа, попятившись.

– Буридан женится на Миртиль, – закончила Мабель.

– Ты ошибаешься, женщина! – произнес Валуа дрожащим как от ярости, так и от страха голосом. – Если этот твой Буридан сейчас на свободе, во что я не верю, сержанты прево быстро его арестуют. И раз уж твоя проклятая наука дала тебе понять, что я приберегу девушку для себя, загляни в будущее, колдунья, посмотри в те дьявольские зеркала, что позволяют тебе видеть ближайшие события, и ты увидишь Буридана повешенным, а Миртиль – в моих объятиях...

– Ты отпустишь Миртиль на свободу, – сказала Мабель все с той же холодностью, что так раздражала и пугала Валуа.

Громко рассмеявшись, он направился к двери.

– Ты будешь вынужден мне повиноваться! – вскричала Мабель. – Так как я имею право тебе приказывать, Карл де Валуа; поскольку явилась я не из преисподней, а была послана сюда карающим Господом! Смотри же!..

Валуа обернулся: колдунья была уже без маски. На мгновение он лишился дара речи.

– Кто ты? – сдавленным голосом прошептал он наконец. – Где я видел твое лицо?.. Где я видел эти глаза, что пронзают меня до глубины души?.. О!.. Я узнал тебя, узнал!.. Ты – Анна де Драман!..

Едва не обезумев от ужаса, граф почувствовал, что у него подкашиваются ноги, и прислонился к стене.

Мабель уже вернула маску на лицо, но оставалась неподвижной. В течение нескольких минут в камере царила гнетущая тишина, нарушаемая лишь тяжелыми вздохами, которые не мог сдержать Валуа.

– Ты меня узнал, – произнесла наконец Мабель. – И теперь ты понимаешь, какой я вооружена властью. Слушай же, Валуа: когда за мной приедут, чтобы отвезти в Лувр, тебе бы лучше предоставить мне доказательства того, что Миртиль и Буридан свободны, не то я расскажу королю, как и кто ударил меня кинжалом в Дижоне, как и кто убил твоего сына, когда ты был фаворитом Маргариты Бургундской, будущей королевы Франции.

Валуа уже ее не слышал. Обезумев от страха, он выбежал из камеры, ринулся наверх, в свои покои, и упал в кресло, прохрипев:

– Мне конец!

– Если монсеньор изволит сказать мне причину одолевающей его боли, возможно, я смогу найти и лекарство, – произнес рядом чей-то голос.

– Симон Маленгр!..

– Он самый, монсеньор!

– Да-да, – лихорадочно пробормотал Валуа. – Ты находчив и изобретателен. Возможно, ты и в самом деле сможешь дать мне дельный совет. Слушай же...

Валуа едва ли не слово в слово пересказал своему пособнику то, что с ним случилось, и добавил:

– Весь вопрос в том, как помешать этой женщине предстать перед королем.

Маленгр на какое-то время задумался, затем улыбнулся.

– Только-то и всего? – спросил он. – Что ж, монсеньор может успокоиться. Я могу вас заверить, что эта проклятая колдунья никогда не увидит короля, а все потому, что она умрет еще до этой их встречи, и тогда все, в том числе и король, скажут, что, опередив кару людскую, это порождение ада настигла кара Божья.

– Но как она умрет? – промолвил Валуа, глядя на Маленгра с восхищением. – Ты, что ли, удавишь ее в этой ее камере?

– Если понадобится, то и я, монсеньор. Но есть и кое-кто другой, который с гораздо большим удовольствием и более тихим способом – будь то посредством яда или чего иного – позаботится о ее смерти. И этот кто-то, монсеньор, – Жийона.

Тем временем эта самая Жийона, которую Симон Маленгр благоразумно и, возможно, не без некой задней мысли, представил Валуа как единственную возможную спасительницу, эта самая Жийона, которой он уготовил славную роль палача, вошла в комнату Миртиль.

Миртиль, увидев старую служанку – или, скорее, своего единственного в Ла-Куртий-о-Роз друга – вскричала от радости и бросилась к ней с распростертыми объятиями.

– Моя славная Жийона!

Но Жийона подала некий таинственный знак, самым тщательным образом закрыла дверь и, повернувшись к девушке, сказала:

– Я не то, что вы думаете, я не ваша преданная служанка и не достойна того, чтобы вы называли меня вашей славной Жийоной!

– Увы! – пробормотала Миртиль, вся дрожа. – Мне бы следовало и самой догадаться, раз уж ты находишься в доме, где живут мои враги.

– Дело в том, что с вашими врагами я заключила соглашение. Получив золото от графа де Валуа, это я изготовила ту восковую фигурку, положила в кропильницу, где ее и нашли, наконец, именно благодаря моему сообщению вас арестовали, обвинив в колдовстве!

Миртиль с ужасом смотрела на эту женщину, говорившую такие невероятные вещи.

Жийона же продолжала:

– И теперь, когда я призналась вам в своем преступлении, полагаю, вы должны поверить мне, если я скажу, что раскаиваюсь.

Миртиль, от испуга не находя в себе сил вымолвить даже слово, взирала с неким боязливым любопытством на эту женщину, которую она долгие годы считала даже не преданной служанкой, но верным другом, и которая вдруг оказалась злодейкой. Это лицо было ей знакомо, и, однако же, ей казалось, что она его теперь не узнает.

– Возможно ли, – прошептала она, – что это была ты? Жийона, ты не в своем уме.

– Это не только возможно, но именно так и обстоит на самом деле. Я была рядом с вами, чтобы предать вас. И предала. Это ужасно, если хотите, но что сделано, то сделано: теперь мое предательство – уже свершившийся факт.

– Но в чем я перед тобой провинилась? – пролепетала Миртиль.

– Вы? Да ни в чем! Ангел доброго Господа, вы всегда были ко мне добры, так добры, что будь я способна кого-то любить, полюбила бы вас...

– Ты ведь говорила, что любишь меня!

– Это может показаться вам странным, но я вас действительно любила. Случались моменты, когда я проклинала себя за то, что предала вас. Но я люблю также и деньги – отсюда все ваши беды.

– Но, – продолжала Миртиль, дрожа перед этой женщиной, – почему ты сейчас решила мне открыться?

– Потому, что вашего благородного батюшку зовут Ангерран де Мариньи, и они с Карлом де Валуа смертельно ненавидят друг друга. Понимаете? Будь вы дочерью Клода Леско, вы были бы счастливы.

– Увы, но, похоже, тут ты права. Моего отца все боятся... да и как не бояться первого министра короля! С тех пор, как я узнала это, Жийона, мне кажется, что я живу в каком-то кошмарном сне. Где те славные времена в Ла-Куртий-о-Роз, когда я не думала ни о чем, кроме моих цветов, когда самой большой из моих печалей был вид гусеницы на розе, когда о батюшке я и не думала иначе как о честном торговце! Почему я не осталась в этом блаженном неведении, почему я на самом деле не могу быть дочерью торговца гобеленами?!.. Я чувствую, что погибаю, и, кажется, напрасно я противлюсь судьбе. Дочь Ангеррана де Мариньи, дочь королевы Франции, я приговорена, так как доказательство былых ошибок должно исчезнуть!

Миртиль зарыдала. Жийона смотрела на ее слезы без каких-либо эмоций. Она соврала, когда заявила, что когда-то любила Миртиль.

Жийону переполняла жажда мести.

Она поклялась, что Симон Маленгр жизнью заплатит за тот страх, который ей довелось пережить, и особенно за кражу ее бедных милых сердцу экую.

– Вам не стоит опасаться ни вашего отца, ни королевы, – живо сказала она. – Опасность для вас исходит не от них.

Миртиль горестно покачала головой.

– Опасность, – продолжала Жийона, – это граф де Валуа. Как жаль, что этот человек не довольствовался одной лишь ненавистью к вам как к дочери Мариньи!

– А что еще он может? – спросила Миртиль с очаровательным простодушием.

Жийона улыбнулась, подошла к девушке и прошептала:

– Граф впервые вас увидел, когда приехал в Ла-Куртий-о-Роз, чтобы вас арестовать. Что я могу сказать? Любовь графа еще более опасна, чем его ненависть. А вы сейчас как раз и находитесь в доме графа де Валуа!

Миртиль издала крик ужаса. Ею овладел невыразимый страх: выпад Жийоны достиг цели. Для Миртиль ненависть Валуа и все ее последствия были одним несчастьем, и закончиться это несчастье, при самом худшем раскладе, могло лишь насильственной смертью. Но любовь Валуа – то был гнусный позор, бесчестие, более жуткое, чем клеймо палача. Миртиль

уже даже забыла, что Жийона ее предала и может предать снова. В голове у нее вертелась лишь одна мысль: немедленно бежать от этой любви, неизбежная угроза которой явилась теперь ей со всей очевидностью. Жийона продолжала:

– Если я и призналась в тех преступлениях, что совершила против вас, то лишь потому, что раскаиваюсь. Вы мне верите? Я постараюсь вас спасти. Я хочу этого всем сердцем. И лишь я одна могу спасти вас от Валуа или, по крайней мере, лишь я одна могу принять необходимые меры. Пока же они ограничиваются одной-единственной: нужно предупредить мессира Буридана...

При имени жениха лицо Миртиль немного просветлело. Сердце ее застучало, и она прошептала:

– Да... если бы Буридан знал, где я, он бы все на свете перепробовал, лишь бы меня спасти...

– Вот и я о том же подумала, – живо сказала Жийона. – Если всего-то и нужно, что предупредить мессира Буридана, я могу взять это на себя... если вы мне, конечно, скажете, где его искать?

– Если он на свободе, если он сумел бежать из Пре-о-Клер, то вы наверняка найдете его в особняке д'Онэ, что на улице Фруадмантель, но...

Миртиль уже собиралась высказать свои опасения насчет ареста Буридана, как у нее вдруг зародилось подозрение:

Да, Буридан был свободен! Да, он мог бежать! И к ней, Миртиль, подослали Жийону, чтобы выведать его убежище! И именно она, его невеста, его сейчас предавала!

Миртиль резко умолкла и, побледнев, отступила на пару шагов. Жийона поняла, что происходит в ней.

– Вы не доверяете мне, и это совершенно естественно, – сказала она, – но клянусь вам моим местом в раю – если мне, конечно, вообще посчастливится попасть в рай – клянусь моим спасением, я вас не предаю. Прощайте и не бойтесь. Если я найду мессира Буридана, действовать будет он, если же нет, то я буду действовать сама. Я хочу, чтобы вы ускользнули от Валуа, и это не просто расплата за мои прошлые грехи, но и мой собственный интерес.

С этими словами, немного успокоившими бедное дитя, Жийона удалилась.

– Уж этот мой дорогой Маленгр! – ухмылялась мегера, уходя. – Какое это будет удовольствие – видеть, как он поджаривается на медленном огне, как и обещал монсеньор! Поскольку малышка Миртиль все-таки убежит. И кто подготовит ее побег? Ты, мой славный Симон!.. Что же до того, что станется с нею после – это уж мое дело. Все у меня будет, все – и месть, и богатство!..

II. Королева тоскует

В то время, как Мабель все еще укрывала Миртиль в своем тайном прибежище, а Валуа, следуя советам Маленгра, принимал решение убить пленницу; в то время, как Жийона отправлялась на поиски Буридана, Маргарита Бургундская, уединившись в своих покоях в Лувре, терзалась смертельной печалью. Доступ к ней имели одни лишь принцессы Жанна и Бланка, которые и пытались, как могли, развеять ее скуку.

Король, обрадовавшись, что угроза болезни так скоро рассеялась, вернулся к своим обычным занятиям, но, дабы достойно отпраздновать столь значимое событие, как выздоровление королевы, приказал устроить народные празднества.

Его камердинер, коему дозволено было говорить королю всю правду в глаза, заметил, что, поскольку госпожа королева и не болела, то и не стоит приглашать в Париж народ для празднования ее выздоровления. Пребывавший в хорошем расположении духа Людовик на это отвечал:

– Это на тот случай, если позднее королева все же заболит и выздоровеет. Обольщаться еще рано. Но, раз уж ты нашелся, что возразить, я хочу, чтобы по этому поводу состоялся праздник дураков, и королем дураков будешь именно ты.

Слуга короля не воспринял эту угрозу всерьез, и зря: вскоре мы увидим, что несчастному камердинеру лучше было бы в тот день промолчать.

Этот проект народных гуляний по подобию ежегодного праздника дураков настолько воодушевил Людовика, что он тотчас же созвал совет и принялся изучать сей вопрос с той серьезностью, с какой ему следовало бы относиться к делам первостепенной государственной важности.

Тем временем королева, томно лежа в длинном кресле – глаза закрыты, лоб нахмурен, на губах горькая усмешка, – вновь и вновь мысленно возвращалась к последним, столь сильно ее удивившим событиям. И суеверным рефреном на ум ей приходило всё то же слово:

– Проклял... Готье меня проклял... Мне не следовало показываться на верхней площадке Нельской башни...

Она приоткрыла глаза и увидела двух своих сестер, занятых вышиванием красивых узоров.

– Бланка, – промолвила она, – Жанна, вы слышали, что проклятие, произнесенное при определенных обстоятельствах, может повлиять на жизнь, изменить ее течение и в конце концов привести к смерти?

– О каком проклятии ты говоришь, дорогая сестрица?

– Какая разница! – нетерпеливо воскликнула королева. – Вы не ответили на мой вопрос. Ох! Знали бы вы, сколько вопросов крутится в моей бедной голове! – продолжала она уже шепотом. – Что стало с Мабель? Что стало с ней... с ней... моей дочерью... моей соперницей? Ох! Держать этих людей в своих руках и...

Она неожиданно замолчала, вскочила на ноги и принялась лихорадочно расхаживать по комнате, а затем сказала:

– Жанна, Бланка, послушайте меня. Пока эти люди живы, покоя не видать ни мне, ни вам.

Принцессы вздрогнули.

– Стоит любому из них заговорить, – глухо продолжала королева, – и тайны Нельской башни таковыми быть перестанут, а это означает конец для нас всех... постыдную и ужасную смерть в какой-нибудь темнице.

Побледнев, Жанна и Бланка переглянулись. Для них тоже это было незримым мучением, портившим теперь им жизнь. Но, менее подверженные риску в связи с отсутствием их дражайших супругов, они старались успокоить эти тревоги, или, по крайней мере, их не показывать.

– Их нужно найти, – сказала Жанна. – Филиппа и Готье д’Онэ должна постигнуть та же судьба...

– Что постигла наших любовников, – глухим голосом закончила ее мысль Бланка.

– Я была проклята... – прошептала королева.

С минуту эти три женщины молчали, словно различая голоса тех, кто понял, как даже одно услышанное невзначай слово может стоить жизни. А когда эта жизнь прекрасна, когда она полна свободы, удовольствий и самых необузданных страстей, нет ничего страшнее мысли, что всё это может в один миг закончиться.

В этот момент две служанки, проведенные в комнату фрейлиной, принесли угощения для принцесс и поставили на уже сервированный столик.

Затем, по знаку королевы, служанки и фрейлина исчезли.

– А почему бы нам не развлечься? – предложила Жанна. – Эти испанские вина – превосходное средство от волнения, которое порождает огорчения и печали.

Три сестры уселись за стол, решив обойтись без помощи прислуги. Испанское вино быстро ударило в голову: глаза их заблестели, лица порозовели.

– А вот я, – сказала тогда Бланка, – нисколько не верю в проклятья. Не важно, какое слово было произнесено – ветер подхватит его, унесет, и всё тут!

– Точно! – пылко воскликнула Жанна. – И даже если это проклятие может разрушить нашу жизнь, на мой взгляд, это не слишком большая плата за все те удовольствия, что скрашивают наше существование. Кстати, моя королева, а не сходить ли нам посмотреть на львов?

– Похоже, вы не понимаете, – проговорила Маргарита, и в глазах ее вспыхнул злобный огонь. – Если бы речь шла об одном из тех анонимных проклятий, что постоянно свистят вокруг великих мира сего, я бы ничуть не беспокоилась, но этот человек, который меня проклял...

– Этот человек? – воскликнули две принцессы с жадным любопытством.

– Ну, слушайте. Когда Страгильдо схватил тех двоих, один из них узнал меня. Приказав убить их, я немного выждала, а затем поднялась на платформу башни, полагая, что все кончено!.. Однако же до конца было еще далеко... Я увидела бледное лицо этого несчастного Готье, и именно тогда, в тот ужасный момент – своими горящими глазами, своим вытянутым пальцем, своими искривившимися губами, всем своим естеством – он меня и проклял. С тех пор ничего у меня не ладится... и потом, я чувствую, что надо мной висит какой-то рок, что я неумолимо мчусь навстречу катастрофе... Мне так страшно...

– Глупости! – пробормотала Жанна с нервным смешком.

– Чистые химеры! – добавила Бланка, тоже, в свою очередь, рассмеявшись.

– Король! – объявил слуга, открывая дверь.

– Слышу, здесь смеются! – уже кричал Людовик, стремительно врываясь в комнату. – Что ж, в добрый час!.. Стало быть, дорогая Маргарита, вы уже совершенно оправились от недомогания?

– Совершенно, сир! – пролепетала королева.

– Тогда у меня для вас хорошая новость, – продолжал Людовик, улыбаясь и довольно потирая руки, словно ребенок, которого ждут развлечения. – Мы устраиваем в Париже большие гуляния... праздник дураков. Что скажете?

– Прекрасная мысль, сир! – проговорила Маргарита, мало-помалу приходя в себя от столь неожиданного вторжения.

Принцессы захлопали в ладоши.

Еще более повеселев, король отпустил несколько любезностей, посоветовал королеве не забывать о лекарствах, рекомендовал принцессам за ней приглядывать и, все такой же порывистый, направился к двери. Уже намереваясь переступить через порог, он вдруг хлопнул себя по лбу и вернулся к королеве.

– Только представьте: вчера я пожелал лично допросить одну колдунью и, Бог тому свидетель, сделал это, – говорил с ней так, как говорю сейчас с вами.

– Какое неблагоприятное, сир!

– Да, согласен, это было неблагоприятно, но я ни о чем не жалею, так как эта женщина сообщила мне нечто крайне важное, и тут, дорогая Маргарита, я надеюсь на вашу помощь.

– И в чем же я должна вам помочь? – спросила королева, увидев, что лоб Людовика нахмурился.

– По ее словам, я являюсь жертвой измены, предательства!

– Предательства!

– Да. И предают меня здесь, в Лувре, в моем ближайшем окружении!

– Действительно, сир, предательство – это важная новость... И эта колдунья назвала вам имя изменника?

– Нет, иначе он был бы уже мертв. Но речь идет не о мужчине, а о женщине. Колдунья сказала: «Ищи вокруг себя, в своем Лувре!»

– Так это женщина... – пробормотала Маргарита.

– Насколько, мадам, вы уверены в ваших фрейлинах? Служанках? Ведь это среди них нужно искать изменницу.

Маргарита опустила голову. Немного помолчав, она прошептала:

– Я поищу, сир! И я найду!

Когда Людовик X удалился, королева, бледная как смерть, повернулась к сестрам:

– Теперь верите, что надо мной висит рок?..

– Что? – воскликнула Бланка. – Так ты думаешь, что эта колдунья хотела указать на тебя?

Королева не ответила. Она думала. Она пыталась побороть страх, уже начинавший подниматься внутри нее.

– Пойдемте взглянем на моих львов! – предложила она вдруг, потрянув головой.

* * *

Обычно, когда королева отправлялась посмотреть на львов, ее сопровождали фрейлины и шевалье, – то была увеселительная прогулка, в которой принимал участие весь двор. Но иногда случалось и так, что Маргарита являлась в загон на улице Фруадмантель лишь со своими сестрами, а зачастую – и вовсе одна.

Находясь рядом с этими ужасными хищниками, столь непохожими на домашних животных, плохо выдрессированными, отупевшими от невозможности слишком активно двигаться в узких клетках, она получала ни с чем не сравнимое удовольствие.

Львы короля и королевы были дикими. Они не знали недостатка в пище и, однако же, это были опасные животные, которые разорвали бы на части любого укротителя.

Какая загадочная связь существовала между этими хищниками и Маргаритой Бургундской? Кто знает? Она любила их, как другие женщины любят какую-нибудь домашнюю зверушку или птичку. Она могла наблюдать за ними часами. Ей нравилось возбуждать их голосом, а иногда, когда они выглядели слишком сонными, – и при помощи вил Страгильдо.

В тот день Маргарита и ее сестры отправились на улицу Фруадмантель в закрытых носилках. В тот день королева не нуждалась в вилах Страгильдо.

Над Парижем висели тучи; где-то вдалеке гремел гром; хищники, рыча, расхаживали взад и вперед по загону.

Принцесс встретил сам Страгильдо и несколько слуг.

Страгильдо был кем-то вроде управляющего этим необычным дворцом. В подчинении у него находилось с дюжину слуг, тщательно, один к одному, им же отобранных, безгранично преданных королеве. Эти люди исполняли две должности – официальную и тайную. Обычно

они были просто помощниками Страгильдо в вольерах со львами, но, в определенных обстоятельствах, помогали ему и в тех зловещих делах, что совершались в Нельской башне. Слуги хищников. Слуги любви. Слуги смерти.

Маргарита обходилась с ними так же, как и со львами. И, как и львы, эти люди испытывали к королеве странную привязанность...

Кто знает, может, и они – один за другим – познали ее поцелуи? Кто знает, какими ласками или обещаниями ласк купила Маргарита их молчание? Так или иначе, но все они были готовы умереть за нее, если понадобится.

Они бы скорее позволили вырвать себе язык вместе с зубами, чем выдали бы тайны, в которые были посвящены. Они служили Маргарите со страстью, почти с благоговением; она стала их идолом.

Среди этих преданных, или, скорее, покоренных – так как то были природы жесткие и суровые – людей, среди этих человеческих хищников, убивавших по одному знаку Маргариты и по другому ее знаку валявшихся у нее в ногах, лишь Страгильдо сохранял своего рода насмешливый скептицизм.

На него чары королевы не действовали. Делая лишь то, чего от него требовали, негодяй неумолимо шел к той цели, которую он сам же перед собой и поставил: сколотить приличное состояние.

Но вернемся к Маргарите. Завидев спешащих ей навстречу слуг, королева бросила им полный золота кошель и промолвила:

– Ступайте, милейшие. Сегодня я желаю побыть одна... Повеселитесь как следует.

Они подобрали золото, быстро поделили его меж собой, и вскоре их шайка уже неслась по улице Фруадмантель к кабачкам Валь-д'Амур.

Остался один лишь Страгильдо.

Как мы уже говорили, загон делился на две части, или, скорее, две огромные клетки, заделанные высокими решетками, какие ни одному, даже самому проворному льву преодолеть было не по силам.

Как мы уже видели, окно жилища братьев д'Онэ выходило на второй двор, доступ в который имел лишь Страгильдо.

Королева и принцессы подошли к снабженной тяжелыми прутьями решетке.

Вдалеке, за второй решеткой, они видели львов, расхаживающих взад и вперед, смотрящих на них сверкающими глазами, вытягивающих вперед свои морды.

Страгильдо держался в нескольких шагах от этой группы, готовый войти ко львам по первому же знаку королевы, – подобное общение с хищниками всегда доставляло ему немалое удовольствие.

Он умел укрощать животных, хотя и делал это весьма необычно. Являвшиеся в зверинец придворные с восторгом аплодировали, когда, выпустив какого-нибудь льва во второй двор и держа его на почтительном расстоянии при помощи вил, он вдруг отбрасывал вилы в сторону и скрещивал руки на груди, удерживая хищника на месте за счет одной лишь силы своего взгляда...

Но в этот день он с беспокойством поглядывал то на небо, то на раздраженно бродящих туда-сюда львов, бормоча себе под нос:

– Только бы ей не взбрело в голову отправить меня к ним в эту предгрозовую погоду!..

Королева прислонилась лбом к прутьям решетки, словно желая освежиться. Прошло несколько минут, но она всё молчала; глаза ее расширились, грудь трепетала, на прелестном личике выступили розовые пятна.

Принцессы тем временем болтали о чем-то своем в сторонке.

Внезапно Жанна подошла к королеве и коснулась ее руки. Маргариты от неожиданности вздрогнула.

– Ты плачешь! – сказала Жанна вполголоса.

– Оставь меня! – пробормотала королева.

– Маргарита, – прошептала, в свою очередь, Бланка, – какая печаль тебя одолевает?

– Ох! Оставьте меня! Вы же и сами видите, как мне тоскливо! – воскликнула королева, которую в этот момент пробила нервная дрожь. – Да, – продолжала она, выдавив из себя смешок, – оставьте меня... возвращайтесь в Лувр...

Маргарита тяжело дышала.

Две сестры переглянулись, не зная, как быть, но королева властно махнула рукой, и они направились к выходу из загона.

– Воспользуйтесь носилками, – крикнула им вслед Маргарита, вмиг успокоившись, – я вернусь, когда пожелаю и как пожелаю. Страгильдо составит мне компанию.

Принцессы удалились.

– Чертова бестия! – проворчал Страгильдо. – Сегодня она явно на взводе, а в такие дни от нее можно ожидать чего угодно. Однажды я из-за нее уже едва не погиб... Будь что будет, но если прикажет войти, пошлю ее к дьяволу: теперь, когда я достаточно богат, пора уже наконец-таки начать дорожить жизнью.

– Страгильдо, – произнесла в этот момент королева, – открой дверцу.

– Открыть дверцу! Так вы, госпожа, желаете пройти во второй двор?

– Открой дверцу, презренный негодяй! А скажешь еще хоть слово – останешься без языка!

По всей видимости, подобные угрозы были для Ее Величества делом привычным, так как Страгильдо ничуть не смутился. Он поклонился, но в той насмешливой улыбке, что скривила его губы, присутствовала на сей раз и изрядная доля тревоги. Он бросил быстрый взгляд на вспоротое большой молнией небо, пробурчал, несмотря на запрет королевы, что-то себе под нос, но все же открыл дверцу, которая, благодаря некоему хитрому механизму, с громким звуком закрылась за ними сама по себе.

При этом звуке расхаживавшие в клетках хищники остановились, вытянули морды к тем, кто посмел их потревожить, и двое из них издали рык, слившийся с раскатами грома.

– Где Циклоп? – спросила королева, глубоко втягивая в себя этот воздух, в котором наряду с грозовой атмосферой присутствовали и запахи, исходящие от хищников.

– Госпожа, – тихо проговорил Страгильдо, – я бы советовал вам оставить Циклопа в покое; хотя решетки клетки и прочные, от такого животного можно ожидать чего угодно.

Но королева, даже не заметив, что Страгильдо нарушил ее запрет и заговорил, уже направилась к клетке Циклопа – последней с правой стороны.

Пожав плечами, итальянец двинулся следом, зажав в руке крепкие вилы с двумя короткими, но острыми зубьями.

Маргарита остановилась прямо перед клеткой. Циклоп был молодой, крупный лев, пойманный в последний год правления Филиппа Красивого; прозвали его так потому, что во время перевозки животного во Францию сторожившие льва люди имели неосторожность выбить ему глаз.

Развалившись на земле, Циклоп выглядел вполне миролюбивым и даже несколько вялым. Вероятно, он думал об африканских лесах и навсегда утраченной свободе.

– Эй! Циклоп! – позвала королева.

Лев прикрыл свой единственный глаз, затем снова открыл, окинул внимательным взглядом ту, что обратилась к нему, вновь закрыл глаз и опустил голову на передние лапы.

Повернувшись к Страгильдо, Маргарита скомандовала:

– Открой дверь клетки!

Страгильдо отступил на пару шагов, отбросил вилы в сторону и скрестил руки на груди.

– Боишься? – спросила Маргарита.

– Да, – отвечал итальянец.

Маргарита подобрала вилы и направилась к дверце клетки.

– Проваливай, – сказала она.

– Госпожа... Он разорвет вас на части!

– Проваливай!.. – буквально прорычала Маргарита, и на сей раз Страгильдо повинился. – Исчезни, – продолжала королева, – и чтобы в ближайший час я тебя не видела. Появишься в загоне, считай, что ты – труп!

Страгильдо поспешил ретироваться, но вместо того чтобы выйти из загона, направился в свое жилище, что стояло на краю обнесенного оградой участка, взбежал по лестнице и бросился к окну, из которого обычно следил за хищниками.

Маргарита положила зубья вил на засов, который следовало лишь легонько двинуть в сторону, чтобы открыть дверь клетки.

В этот момент в небе глухо прогремел гром. То ли приближающаяся гроза так подействовала на Циклопа, то ли его вывело из терпения соседство с этим человеческим существом, но лев встал и, приоткрыв пасть и громко рыча, принялся расхаживать по клетке той мягкой и уверенной поступью, что свойственна этим королям пустыни.

Сделавшись мертвенно-бледной, Маргарита отпрянула от решетки.

– Вижу, ты тоже боишься! – ухмыльнулся у окна Страгильдо.

Он не ошибался: Маргарите действительно было страшно. Это нервное возбуждение, что подталкивало ее вплоть до той секунды, когда она уже собиралась совершить свой безумный поступок, мгновенно улетучилось.

Королева содрогнулась, увидев, как близко находится ото льва, и начала медленно отступать. Лишь отойдя на середину двора, она остановилась и с трудом перевела дух.

– Ох! Уж не сошла ли я с ума? – прошептала Маргарита. – Еще мгновение – и Циклоп оказался бы на свободе... Слава Богу, я вовремя опомнилась!..

В этот миг сверху что-то упало... или, скорее, прыгнуло... нечто живое... человек, который проворно вскочил на ноги, подбежал к дверце решетки, что вела во двор, и опустил внутренние засовы... Затем этот человек направился прямо к клетке со львом.

Проходя мимо королевы, он сказал:

– Вот и настал твой конец, Маргарита!..

Человек неумолимо двигался к цели.

Королева хотела бежать, но ее словно парализовало от страха. Она испытывала то ощущение, какое приходит в кошмарных снах, когда тщетно пытаешься сделать тот шаг, который должен спасти от опасности. Возможно, этот страх шел даже не от осознания неизбежного конца, возможно, в этот ужасный миг мысль о смерти отошла у нее на второй план... так как перед ней был тот самый человек – а она его, конечно же, тотчас узнала, – чьи слова, брошенные ей в лицо на платформе Нельской башни, так давно не давали ей покоя...

– Готье! – прохрипела она. – Готье д'Онэ!..

Готье д'Онэ подошел к клетке Циклопа, резким движением отодвинул засов, и дверца открылась. Лев высунул морду наружу, принялся, раскрыл пасть, зарычал и прыгнул во двор, приземлившись в трех шагах от Маргариты.

III. Братья

В соседнем особняке, как мы знаем, находились Буридан, братья д'Онэ, Бурраск, Одрио и Ланселот Бигорн. Прильнув к окну, все шестеро не сводили глаз с королевы.

– Она одна, – глухим, преисполненным ужаса голосом пробормотал Филипп.

– Да, одна! – холодно отвечал Готье.

Королева действительно явилась без какой-либо пышности и помпы: о ее прибытии не возвещали трубы, ее не сопровождали сеньоры и шевалье Людовика X – она была одна!..

Именно об этом, вероятно, подумал Готье, так как, едва Буридан сообщил о том, что королева и принцессы вошли в загон, едва слуги были отосланы, едва, в свою очередь, удалились и Жанна с Бланкой, едва Филипп, словно предчувствуя то, что должно случиться, прошептал: «Она одна!», Готье отвечал:

– Да, одна!.. Самое время действовать!

Филипп побледнел и отступил назад.

Буридан прикусил губу.

Лица короля Базоши и императора Галилеи если что и выражали, то лишь любопытство.

Готье вернулся к ломившемуся – благодаря Бигорну и золотым экю прево – от ароматнейших блюд стола, налил себе полный кубок вина, опорожнил залпом и громко рассмеялся.

Филипп подошел к нему, взял за руку и прошептал:

– Брат!..

Громовой раскат заглушил его голос.

– Замолчи, Филипп, – промолвил Готье, – замолчи. Я знаю всё, что ты можешь мне сказать, но ничто не помешает мне сейчас действовать. Я даже не слышу твоего голоса, Филипп: в уши мне бьет лишь голос небес, который говорит, что Маргарита, убийца Буридана, убийца Готье, убийца Филиппа, Маргарита, эта гнусная развратница из Нельской башни, приговорена. Что тебе от меня нужно, брат?

Вытерев выступивший на лбу пот, Филипп произнес:

– Прошу тебя, пощади ее.

– Буридан! – позвал Готье. – Гийом, Рике! И ты тоже, Ланселот!..

Все собрались в зале, и все поняли, что между братьями происходит нечто ужасное.

– Буридан, – проговорил Готье спокойным голосом, столь резко отличавшимся от его обычных интонаций хвастуна и пустозвона, – считаешь ли ты, что Маргарита Бургундская, королева Франции, заслуживает смерти?

– Да, считаю, – отвечал Буридан твердым тоном.

– Гийом Бурраск и ты, Рике Одрио, считаете ли вы, что Маргарита Бургундская заслуживает смерти?

– Да, считаю, – сказал Рике. – И если то, что вы здесь рассказали, правда, клянусь живым Господом, который говорит сейчас над нашими головами, я сам разожгу костер, в который бросят эту женщину!

– А я, – промолвил Гийом, – я сам ее заколю, если потребуется, так как она есть не человеческое создание, но демон, уничтожить которого – долг всякого добропорядочного христианина.

– А я, – просто добавил Ланселот Бигорн, – считаю, что если мы не убьем эту женщину, то она убьет нас.

– Ты слышал, брат? – спросил Готье.

Филипп отступил еще на несколько шагов, упал на табурет и обхватил голову руками.

Он чувствовал, что умирает.

– Раз уж эта развратница приговорена, – продолжал Готье, – нам остается лишь привести приговор в исполнение. Сам Бог посылает ее нам. Она одна. Ланселот, арбалет!

Бигорн исчез за дверью и вернулся с арбалетом – вроде тех, какие носили королевские стрелки. Чтобы составить себе представление об этом оружии, нужно вообразить ружье без ствола, на конце которого закреплен деревянный, а иногда и стальной лук; тетива этого лука оттягивается назад, к прикладу, и крепится в шайбе с прорезью, называемой орехом; вставив стрелу, арбалетчик нажимает на спусковой механизм, орех прокручивается вокруг оси, тетива высвобождается и стрела улетает.

Таким было оружие, которое Ланселот Бигорн принес Готье.

Готье подошел к окну, выходившему на загон со львами, открыл часть витража и отвел в сторону гардины...

Филипп наблюдал за этими приготовлениями с все нарастающим ужасом, но сил подавить его в себе не чувствовал.

– Брат! – крикнул он издали.

– Замолчи!.. – проревел в ответ Готье. – Она приговорена... и она умрет!

В то же время он вставил в канал арбалета стрелу, снабженную стальным наконечником, – оружие не менее опасное и точное, чем наши современные ружья.

Буридан снял шляпу и пробормотал:

– Вот и пришло оно – правосудие!..

Гийом Бурраск и Рике Одрио также обнажили головы, но их насмешливые улыбки не оставляли никаких сомнений в том, что приговоренную им ничуть не жалко.

– Клянусь святым Варнавой! – пробормотал Ланселот Бигорн. – Так я не забавлялся с той самой ночи, когда едва не вздернул моего дражайшего сеньора и господина... Хо-хо! Уж не сошел ли мессир Филипп с ума?

Действительно, в тот самый момент, когда, взяв Маргариту Бургундскую на мушку, Готье уже собирался нажать на спусковой крючок арбалета, Филипп, вскричав, или, скорее, взрычав от боли, любви и отчаяния, бросился вперед.

Буридан сложил руки на груди.

Гийом и Рике попытались было остановить Филиппа, но тот оттолкнул их столь резко, что оба упали на свои места и в изумлении переглянулись.

Оказавшись рядом с Готье, Филипп вырвал у него из рук арбалет прежде, чем брат успел сделать хоть одно движение, схватил три ожидавшие своей очереди стрелы и надвое переломил их о колено.

– Черт побери! – возопил Готье. – Неужто ты хочешь, чтобы все мы погибли?

– Убей меня, – произнес Филипп с удивительным для такого момента спокойствием, – убей меня, если считаешь, что моя смерть пойдет тебе во благо, но пока я жив, в моем присутствии о Маргарите не будет сказано ни одного дурного слова, не говоря уж о том, что с головы ее не упадет и единого волоска.

На какое-то мгновение Готье оцепенел. Его полное красноватое лицо сделалось сначала мертвенно-бледным, затем – багровым; взгляд переместился с неподвижного Филиппа на усиленно прятавшего глаза Буридана, затем – на Маргариту Бургундскую. В этот момент королева, спровадив Страгильдо, подошла к клетке Циклопа.

С минуту Готье, весь дрожа, простоял в задумчивости, вынашивая некую мысль, которая внезапно, словно вспышка, промелькнула в его мозгу.

Вдруг он разразился ужасным смехом:

– Прощай, брат! Прощай, Буридан! Прощайте, все! Раз уж нужно, чтобы один из нас пожертвовал собой ради спасения остальных, раз уж, по воле Филиппа, выходит так, что даже смерть Маргариты должна стать роковой для одного из нас... Что ж!..

Резким движением он поднял раму и выпрыгнул в окно...

* * *

Благодаря расположению двух дворов, о котором мы уже говорили выше, Готье приземлился во второй из них, то есть в тот, где находилась Маргарита Бургундская. Как только он коснулся земли, сильнейшее раздражение, которое толкнуло его на этот поступок, тут же улетучилось, сменившись абсолютным хладнокровием. Мгновенно оценив ситуацию, Готье подскочил к двери, за которой скрылся Страгильдо, и запер ее на засов.

Кровожадная ухмылка исказила эту обычно столь безмятежную физиономию, и он прорычал:

– Вот и настал твой конец, Маргарита!..

Рука потянулась за кинжалом.

– Проклятье!.. – взвыл Готье.

Кинжала не было. Очевидно, Филипп выхватил его вместе с арбалетом.

В эту секунду Готье машинально взглянул на Циклопа, огромного хищника, который с любопытством взирал из глубины клетки на этих чужаков, посмеивших потревожить его мрачные думы и мечты о свободе.

Задрожав от неистовой радости, Готье сделал несколько шагов... по направлению к клетке с грозным животным!

Спустя мгновение дверца клетки была уже открыта, и Циклоп, после секундного замешательства, двинулся к решетке, отделявшей его от Маргариты.

Не обращая ни малейшего внимания на укрывшегося за дверцей Готье, животное шло прямо на эту обезумевшую от ужаса, словно пригвожденную к земле пароксизмом страха женщину.

Маргарита не кричала, но рот ее был широко открыт, словно рвавшийся из нее крик комком застрял где-то в горле.

Лев дышал прерывисто и хрипло. Его длинный хвост заколыхался из стороны в сторону, пышная грива поднялась торчком, пасть открылась, обнажив огромные клыки... Он съежился, готовясь к прыжку...

И тут вдруг он резко остановился и начал пятиться, ворча от испуга и ярости...

Да, Циклоп отступал!

Отступал перед двумя стальными зубьями вил, короткими и острыми... и держал эти вилы Филипп д'Онэ.

Филипп прыгнул вслед за братом...

Пару секунд эти противники, животное и человек, застыв на месте, сверлили друг друга взглядом.

Филипп переживал одну из тех странных, необъяснимых минут, когда ощущения человека удесятерятся, когда все, что было истиной, становится безумием, сном, ложью, когда все, что было невозможно, становится реальностью.

Никогда прежде он не приближался, никогда прежде не видел создания более чудовищного, чем то, что стояло перед ним.

Сложно даже представить, какие мысли в этот момент крутились в его голове; пробирал ли страх его до мозга костей или же он пребывал в том особом состоянии ума, когда у человека не возникает ни страха, ни какого-либо другого ощущения.

Это длилось несколько секунд. И кто может сказать, за счет какого феномена животного магнетизма при этой встрече, которую летописцы того времени отмечают как одно из самых необычных событий, кто может сказать, за счет какой суггестивной силы взгляда человек одержал верх над животным?

Лев отступил, пусть даже и при виде вил, к которым приучил его Страгильдо, отступил, хотя Филипп не сделал и шага вперед. Вскоре он оказался прижатым к своей клетке, куда и вошел.

Тогда Филипп подошел к этой клетке и необычайно мягким жестом закрыл дверцу.

И лишь тогда, словно освободившись от непонятного страха, лев бросился на решетку, просовывая сквозь прутья свою ужасную лапу и громогласно рыча...

Филипп повернулся к Готье и прошептал:

– Прости меня, брат!

Бросив яростный взгляд на Маргариту, Готье пожал плечами и, отстранив брата рукой, направился к той части особняка д'Онэ, которая выходила во двор, и крикнул:

– Буридан! Похоже, это не Маргарита приговорена, а мы. Так уж решил мой брат.

– Поднимайтесь, мессир! – прокричал Бигорн.

В то же время из окна верхнего этажа спустили веревку, и Готье, за счет силы рук, принался карабкаться наверх.

Филипп опустил голову. Нечто вроде слезы блеснуло на его побледневшей щеке. Он перевел взгляд в сторону Маргариты. Королева лежала на земле посреди двора. Она была без сознания.

На какую-то долю секунды взор этого пылкого и преисполненного страстного обожания мужчины задержался на сей обладательнице чарующей красоты и зловещих мыслей, но, словно желая избежать искушения заключить ее в свои объятия, Филипп отвернулся и тоже направился к веревке, по которой и поднялся наверх.

* * *

Страгильдо наблюдал из своего окна первую часть этой сцены, то есть видел появление или, скорее, прыжок Готье д'Онэ.

При виде Готье у итальянца едва глаза на лоб не вылезли от испуга.

Придя в себя и трепеща от непередаваемой радости, Страгильдо опустил гардину и выбежал на улицу, бормоча под нос:

– Раз уж этот находится в доме д'Онэ, значит, и все остальные скрываются там же! Клянись преисподней, на сей раз им от меня не уйти!

IV. Жийона продолжает мстить

Не успел Готье влезть в окно, как в дверь постучали.

Буридан и Готье были слишком взволнованы произошедшим, чтобы обратить на сей факт внимание, но Бигорн, Гийом и Рике, побледнев, обменялись обеспокоенными взглядами.

– Кто это может быть? – пробормотал Гийом.

– Да еще в такой момент! – добавил Бигорн.

Стук повторился, и на этот раз за дверью послышался чей-то испуганный голос.

– Господом заклинаю, откройте. Речь идет о жизни одной дорогой вам особы.

В этот момент Готье холодно говорил Буридану:

– Филипп всех нас погубил своей выходкой, но – гром и молния! – если добраться до королевы мы сможем только через труп моего брата... что ж!..

Отчаянный жест закончил его мысль.

– Прежде всего, – сказал Буридан, – нам нужно найти другое жилище. По возвращении в Лувр Маргарита непременно направит сюда кучу лучников и тогда...

– Буридан, – прошептал Гийом Бурраск, – ты разве не слышишь?

И император Галилеи потащил Буридана к двери, за которой загадочный голос повторял:

– Откройте, сеньор Буридан, откройте, это Жийона! Откройте, если хотите спасти Миртиль.

В тот миг щеколды были отодвинуты, почти вырваны дрожащей рукой Буридана.

Появилась Жийона.

Бросив быстрый взгляд на лестницу, Бигорн удостоверился, что больше там никого нет.

– Ты, Жийона! Ты!

– Да, я, сеньор Буридан, я, которая, будучи, как и Миртиль, жертвой, смогла бежать. Бог знает, с каким трудом, так как если бы меня не поддерживала моя преданность хозяйке...

– Неужели?.. Так я тебе и поверил!.. Говори же, старая ведьма, но не пытайся прикинуться жертвой, ты – сообщница! Ну же, где Миртиль?!

– Сообщница? Нет-нет, что вы! – слезливо пробормотала Жийона, пытаясь украдкой как следует разглядеть окружающих ее людей. – Клянусь Девой Марией и всеми святыми...

– Где Миртиль? – яростно повторил Буридан, тряхнув старуху за плечи.

– В доме графа де Валуа, раз уж вы всё хотите знать сразу. Но, сеньор Буридан, если вы не выслушаете меня внимательно, вы лишь навлечете еще большие беды на это бедное дитя вместо того, чтобы спасти его, на что я и надеялась, когда шла сюда с риском для своей жизни.

– В доме графа де Валуа! – прошептал Ланселот Бигорн. – Это судьба! В доме отца Буридана! Так оно и должно было случиться!

Обезумев от радости, Буридан на несколько минут забыл обо всем – и о Маргарите, и о Готье с Филиппом. В ответ на его вопрошающий взгляд Жийона принялась рассказывать и выложила все в точности, за тем лишь исключением, что роль в предательстве приписала не себе, а Симону Маленгру. Закончила она тем, что привела стратегически важные детали, касающиеся особняка Валуа и расположения той комнаты, в которой была заперта девушка.

– Как раз таки он, Симон Маленгр, – добавила она, – и присматривает за вашей несчастной невестой, которая только и делает, что плачет да вспоминает про вас; но если сегодня в полночь вы изволите оказаться у той небольшой дверцы ограды, что выходит ко рвам у Сент-Антуанской потерны, кое-кто откроет вам эту дверь и проводит вас к комнате, в которой вы найдете Миртиль, ждущую вас точно так же, как христиане до рождения Иисуса, ждали прихода Спасителя¹. – И кто мне откроет? – спросил Буридан, который выслушал этот рассказ,

¹ Редкий анахронизм. Говоря так, Жийона, конечно же, ошибается: христианство возникло гораздо позже. – *Примечание*

кушая губы, чтобы заглушить крики радости. – Ты, что ли? Будь уверена, славная Жийона, ты будешь вознаграждена по заслугам.

– Я не хочу вознаграждения, – сказала Жийона. – А что до того, кто вам откроет, то так ли это важно? Главное – это то, что теперь я точно знаю, что вы придете в указанный час.

– Говоришь, в полночь?

– В полночь. Все будет готово... Вот только...

– Вот только что? – встрепенулся Буридан, опасаясь каких-либо затруднений.

Жийона выдавила из себя улыбку, от которой Симон Маленгр, безусловно, вздрогнул бы.

– Сеньор Буридан, – промолвила она, – я забыла один важный совет: в полночь у двери обязательно кто-то будет, и этот кто-то непременно вам откроет, если вы постучите трижды, но если случайно этот кто-то сделает вид, что не понимает, чего вы хотите, вам достаточно будет приставить к его горлу кинжал, и он поймет. Это все, что я хотела вам сказать, а теперь я должна уйти, так как мое отсутствие в доме монсеньора замечено быть не должно.

И прежде чем Буридан успел задать новые вопросы, которые так и просились ему на уста, Жийона, присев в реверансе, исчезла за дверью.

– Вот он – шанс! – воскликнул Гийом Бурраск.

– Буридан рожден быть счастливым, и он таковым будет, – проговорил, в свою очередь, и Рике, – вот только я, который так и не познал счастья, надеюсь, что Буридан поделится им со мной.

– Ах, мои друзья, мои дорогие товарищи, если кому я и обязан этим счастьем, то только вам! – восторженно вскричал Буридан.

– А что доказывает, что это не ловушка? – вмешался Готье.

– Возможно, ты и прав, брат, – раздался голос со стороны окна.

Все обернулись и увидели Филиппа д'Онэ, который, вернувшись в дом той же воздушной дорогой, что и Готье, слышал всё, что предлагала Жийона.

При этом слове – «брат», коим его по-прежнему величал Филипп, Готье вздрогнул. С пару мгновений оба д'Онэ молча смотрели друг на друга, и, возможно, именно тогда они поняли, что нечто самое важное разбивалось, разрушилось между ними. Наметанным взглядом Буридан определил, что у братьев вот-вот готов вырваться всплеск противоположных чувств, который может превратить их в непримиримых врагов.

Сделав тогда вид, что произошедшее во дворе со львами забыто, он схватил руку Филиппа и руку Готье.

– И вы двое тоже – кузнецы моего счастья, если уж мне действительно суждено стать счастливым. Ах, Филипп! Ах, Готье! Вы ведь не оставите меня теперь, когда я должен попытаться ее спасти? Даже если это ловушка, я все равно настроен явиться этим вечером в назначенное время в указанное место, и если вас не будет со мною, мне кажется, я лишусь самой дорогой частицы себя самого.

– Друг мой, – молвил Филипп, – я думаю, эта женщина пытается затянуть вас в западню, но если есть хоть один шанс, что она сказала правду, мне этого достаточно, и мы будем с вами этим вечером.

– Конечно, – воскликнул Готье, который, похоже, в глубине души был весьма рад возможности отложить на потом решающее объяснение, что должно было состояться у них с братом.

– Тогда нам нужно уже сейчас решить, что мы будем делать, – сказал Буридан, – договориться, как каждый из нас поступит в случае неудачи и...

– Тревога! – прокричал Бигорн приглушенным голосом.

Пятеро друзей бросились в пустынный коридор, где стоял на часах Ланселот, и услышали какой-то невнятный шум.

– Что происходит? – бесстрастно спросил Филипп.

Готье припал к окну, что выходило на загон со львами, и увидел, что королева исчезла.

– Что происходит! – проворчал он, возвращаясь. – А то и происходит, что эта дьяволица Маргарита Бургундская послала против нас кучу людей! Происходит то, что мы окружены, загнаны, словно волки! Происходит то, что Буридан не сможет освободить ту, которую любит! Что Ланселот Бигорн будет повешен! Что Гийом Бурраск и Рике Одрио будут повешены! Что Буридан будет повешен! Что Готье д’Онэ будет повешен! И всё это потому, что Филиппу д’Онэ угодно было влюбиться в некую коронованную развратницу.

– Готье, – проговорил Филипп ужасно спокойным голосом, – если мы выйдем отсюда живыми, ты ответишь мне за все те оскорбления, что были тобой высказаны в адрес Ее Величества королевы Франции!

– Вот оно – то, чего я опасался! – пробормотал Буридан. – О, Маргарита, среди твоих бесчисленных злодеяний это, возможно, самое жестокое твое преступление!

– Они уже здесь, клянусь святым Баболеном! – прорычал Бигорн.

– Откройте! – прокричали на лестнице голоса людей, вооруженных, судя по характерному бряцанию, копьями и алебардами.

– Именем короля! – пророкотал, перекрывая весь этот шум, другой голос.

Гийом Бурраск и Рике Одрио расхохотались.

– Это он! – сказал Гийом.

Неистовые удары сотрясли дверь, которая почти сразу слетела с петель.

И в ту же секунду в комнату ворвались несколько лучников.

– Вперед! Взять их! Взять! – завопил командовавший отрядом Жан де Преси.

– Смерть им! Смерть! – вскричали лучники.

– Боже правый, нет! – проревел чей-то мощный голос. – Они нужны мне живыми!

И высокий, с нахмуренными бровями и суровой физиономией, человек возник на пороге, держа руку на гарде шпаги.

– Ангерран де Мариньи! – прохрипел Готье. – Убийца наших родителей, Филипп!

– Отец Миртиль! – прошептал Буридан, смертельно побледнев.

По жесту Мариньи лучники и даже прево остановились. Закрывая дверной проем, их отряд занимал половину комнаты.

На другом конце этого зала, сбившись в кучку, держались, со шпагами в руках, братья д’Онэ, вооруженные не раз проверенными в деле кинжалами Бурраск с Одрио и неподвижный Буридан.

Что до Ланселота Бигорна, то он испарился.

Мариньи махнул рукой, и Жан де Преси, прево Парижа, произнес:

– Жан Буридан, сеньоры Филипп и Готье д’Онэ, Гийом Бурраск, Рике Одрио, признанные нашим государем: один – императором Галилеи, другой – королем Базоши; я, Жан де Преси, прево Парижа, именем короля, объявляю вас изменниками и мятежниками, в удостоверение чего, без какого-либо суда или следствия, вы будете схвачены и препровождены к виселице Монфокон, где и принесете повинную. Милостью нашего сира короля, каждый из вас получит десять минут, чтобы покаяться в совершенных вами преступлениях и получить отпущение грехов, если на то будет воля ваших исповедников. Затем вас казнят через повешение, причем от веревки ваши шеи освободят только по наступлении смерти. А теперь скажите, готовы ли вы сдаться, или нам придется применить против вас силу.

– Смотри, как бы раньше я не облегчил твое брюшко, приспешник дьявола! – усмехнулся Рике, и помахал кинжалом.

– Тебя-то самого подвешат не за шею, как честного человека, – добавил Гийом, – а за ноги, как самого низкопробного воришку!

– Иа! – подтвердил звонкий и насмешливый голос, донесшийся из глубин соседних комнат.

Буридан не сводил горящих глаз с Мариньи.

Первый министр поднял руку, дабы призвать к тишине лучников, у которых этот ослиный рев вызвал жуткое неприятие, и, в свою очередь, произнес:

– Вам, мессеры д’Онэ, как и вам, Гийом Бурраск, как и вам, Рике Одрио, приговоренным судом короля, великодушием Его Величества даруется помилование. – Мариньи вытащил из-под плаща свиток пергамента и передал прево, который поклонился. – Благодарите за это нашу королеву, которая просила перед королем и добилась того, чтобы вам сохранили жизнь.

– Иа! Ио! – прыснув со смеху, воскликнул все тот же издевательский голос.

Яростное ворчание раздалось среди лучников, и Жан де Преси явил лицо более взволнованное, чем полагалось прево.

– Это еще не все, – продолжал Мариньи, чье спокойствие оставалось внушительным и ужасным.

– Мессеры д’Онэ, вы получаете полную свободу. Вам будет возвращено ваше родовое имение, после чего каждому из вас пожалуют по двадцать тысяч экю – все это при том лишь условии, что вы тотчас же покинете Париж под надежным эскортом, который сопроводит вас на три лье от этого города.

– Иа! Ио!

– Вы, Гийом Бурраск, и вы, Рике Одрио, тоже свободны. Ваши титулы, привилегии и прерогативы императора Галилеи и короля Базоши остаются за вами – без каких-либо условий... Мессир прево и вы, стражники, позвольте же осуществиться великодушию королевы!..

– Готье и Филипп д’Онэ, Гийом Бурраск и Рике Одрио, вы свободны, – провозгласил прево.

Лучники расступились, открыв широкий проход для тех, которые милостью ее величества были помилованы.

– Пойдем, Буридан! – в один голос воскликнули император Галилеи и король Базоши. – Пойдем, или ты не слышишь, что мы свободны!

– Эй! – крикнул Жан де Преси. – О Жане Буридане речи не шло!

– Видишь, Филипп, как оскорбляет нас твоя развратница! – промолвил Готье. – Думала, что ради спасения наших голов мы способны покинуть нашего брата Буридана!

Филипп не ответил, пальцы его метнувшейся под камзол руки что есть силы вонзились в грудь. Ему и в самом деле было невыносимо больно оттого, что королева могла счесть его способным на предательство.

– Как это, – вскричал Гийом Бурраск, – о Буридане речь не шла? А о ком же тогда шла?

– Да за кого ты нас принимаешь, чертов прево, – за турков или за мавров? – проскрежетал зубами Рике. – Дорого же ты заплатишь за эту дерзость – двумя сотнями золотых экю на сей раз уж никак не отделаешься!

– Двести золотых экю! – прошептал изумленный прево. – Уж не эти ли двое бродяг...

– Иа! – прозвучал где-то вдали насмешливый голос, словно подтверждая подозрения прево.

– Решайтесь же, – сказал Мариньи. – Если выбираете предложенные вам жизнь и свободу – уходите, если остаетесь – можете считать, что вы уже трупы!

– Трупы! – проворчал Филипп, сделав два шага вперед. – Что ж, пусть будет так: тогда вы сможете похвастаться, что уничтожили всю нашу семью! Сыновья умрут так же, как умер отец, как умерла мать – под ударами ваших жандармов! Смотри только, чтобы от твоих преступлений, которые пугают человечество, не устал вскоре и сам Господь! Ходят слухи, что ты

не пожелал, чтобы виселица Монфокон, возведенная тобой для угроз Парижу, принимала простых смертников! Ходят слухи, что ты захотел, чтобы она и сейчас оставалась не запятнанной отвратительным поцелуем смерти! Ходят слухи, что тобой выбрана всем известная жертва, которой предстоит первой испытать прочность этих мерзких цепей, что скрипят на вершине отныне навек проклятого холма! Смотри только, чтобы этой первой жертвой не стал ты сам, Ангерран де Мариньи!

– Всех! Взять их всех! – завопил Мариньи.

– Ну же! Вперед! – закричал Жан де Преси.

– Смерть им! Смерть! – проревели лучники, устремляясь вперед.

В ту же секунду четверо из них упали замертво, а остальные остановились.

Четыре клинка поднялись в едином движении и вонзились в четыре груди.

Буридан, оба брата д'Онэ, Гийом и Рике бросились в соседнюю комнату, где находилось выходящее во двор со львами окно. Буридан прикрывал отступление. Его длинная шпага порхала, колола, била, и при каждом отблеске стали, что мелькал в этом вихре, падал один из лучников. Пылающие глаза юноши искали главного врага, и он приговаривал сквозь зубы:

– Это для твоей груди, Мариньи, предназначался этот удар. Для твоей!

– Посторонись, Буридан! – вопил Гийом.

– Да ты эгоист, Буридан! – ревел Рике.

– Вперед! – кричал Жан де Преси.

Грязные ругательства и проклятия сталкивались, бились друг о друга, перекрывая бряцанье озверевшей стали.

Позади Буридана Гийом и Рике искали просвет, чтобы тоже нанести удар. Позади императора и короля, неподвижный, задумчивый, со сложенными на груди руками, держался Филипп.

«О смерть! – думал он. – Как ты желанна!»

Над всей этой группой высилась статная фигура неистового, с блуждающим взглядом и перекошенным ртом, Готье, который едва успевал выдумывать такие ответные оскорбления, рядом с которыми проклятия лучников казались безобидной и банальной прозой.

– А это – тебе, Жан де Преси, раз уж Мариньи пока не достать! – прорычал Буридан.

Прево попятился, обливаясь кровью, и упал на руки двух лучников, которые только обрадовались возможности увильнуть от сражения.

Мрачный, покрывшийся испариной Мариньи тем не менее страстно и с глубоким восхищением наблюдал за действиями этого юноши, который любил его дочь! Этот юноша ненавидел его, первого министра, всей своей душой! Этот юноша дважды оскорбил его, покрыв позором на глазах у всего Парижа!

Из двенадцати или шестнадцати лучники, что наводнили зал, шестеро или семеро валялись на полу, тогда как остальные уже начинали отступать.

– Вперед! Зададим им жару! – закричали Гийом и Рике.

В этот момент Мариньи поднес к губам свисток, пронзительно свистнул, и на лестнице послышался топот еще более многочисленной толпы. Через пару мгновений в комнату ворвались человек сорок лучников, на груди у которых сверкал герб Мариньи. Они с презрением растолкали лучников короля, пробившись вперед.

– Проклятье! – взревел Мариньи, не скрывая досады.

Буридан и его друзья исчезли.

В ту секунду, когда жандармы министра, откликнувшись на сигнал, поднимались по лестнице, Ланселот Бигорн, появившись позади братьев д'Онэ, обхватил Готье за плечи и втолкнул его в третью, самую дальнюю комнату, и на крик «Вперед!», изданный Гийомом и Рике, ответил другим:

– Отступаем!

Буридан, обернувшись, в один миг оценил ситуацию. В тот же миг король и император, схватив юношу за руки, потащили его к двери.

– Раз уж ты осел, – проговорил Гийом, – и способен всю жизнь колебаться между Марины и нами...

– Буридан, еще немного – и мы точно заплачем, – поддержал товарища Рике. – Похоже, лицо этого Иуды Марины нравится тебе гораздо больше, чем столь приятные физиономии твоих старых друзей. Ты просто упрямый осел, Буридан.

– Иа! – радостно подтвердил Бигорн.

Искатели приключений отступили в зал, где Бигорн уже активно поработал. Заперев дверь на засовы, Ланселот придвинул к ней громадный сундук, на который начал наваливать всевозможную мебель.

– Вот укрепления, – сказал он, – вот осадная провизия. А это наш путь к отступлению.

Говоря так, он последовательно указывал на сиденья – огромные дубовые кресла, которые, будучи нагроможденными одни на другие, действительно образовали неприступную стену; затем на стол, куда он перенес все, что нашел в доме из еды, а именно: хлебцы, бесчисленное множество кувшинов с вином, хорошо проваренный кусок оленины и несколько тушек птицы, которые на деньги прево Бигорн купил уже поджаренными на Гусиной улице. Затем, наконец, он подвел товарищей к окну и продемонстрировал уже привязанную длинную веревку, по которой Филипп и Готье поднялись со двора.

Улыбнувшись, Буридан положил на стол с провизией свою окровавленную шпагу и тотчас же принялся помогать Бигорну подтаскивать к двери мебель.

Филипп опустил на стул, внешне безразличный ко всему, что происходило вокруг.

В едином спонтанном порыве Готье, Гийом и Рике повернулись к столу с едой и напитками, издав тройной вопль радости.

– Мы только что трапезничали, – сказал Готье, – но это не повод для того, чтобы не испытывать голод.

– И серьезный повод для того, чтобы испытывать жажду, – заметили двое других.

И тогда, пока Бигорн и Буридан возводили деревянную стену, пока за дверью разносились резкий и хриплый голос отдающего распоряжения Марины и восклицания жандармов, и пока раздавались первые глухие удары, Гийом методично отбил горлышко бутылки и наполнил кубки; Готье ощипывал гуся и, обнаружив под рукой шпагу Буридана, начал использовать ее в качестве ножа.

Покончив с работой, к друзьям присоединились и Буридан с Бигорном.

– Когда ж вы вышибете эту чертову дверь?! – ревел Марины.

– Эй, Бигорн, ты заслужил бедрышко, – вскричал Готье. – Буридан, возьми это крылышко. Что до моего брата Филиппа, то его питает любовь.

Буридан голоден не был, но его мучила жажда, что он и доказал. Бигорн же принялся уничтожать бедро, ворча:

– Клянусь святым Варнавой, у меня и так уже живот, что та бочка; но, поскольку неизвестно еще, когда нам доведется отужинать, то, полагаю, будет благоразумнее отобедать дважды.

– В полночь, – промолвил Буридан, – нам нужно быть в особняке Валуа, не забывайте.

– Черт возьми! – воскликнул Готье. – Я это тем более не забуду, что на этот вечер у меня было назначено свидание с Аньес Пьеделе.

– Клянусь достопочтенным кюре из Сент-Эсташа, мы там будем! – сказал Бигорн.

– Мертвые или живые! – добавил Гийом.

– А что – логично! – заметил Рике. – Так как в полночь нам нужно быть в доме Валуа, а живыми мы отсюда вряд ли выйдем, мы отправимся туда мертвыми. Что ты на это скажешь,

Буридан, бакалавр чертов, который защитил бы и докторскую по логике, дай тебе королева Маргарита еще немного времени?

Дверь наконец слетела с петель, и за нагромождениями укреплений возникли разъяренные лица осаждавших.

– Господа, – проговорил Буридан, подходя ближе.

По жесту Мариньи жандармы смолкли.

– Господа, – продолжал Буридан, – мои друзья и я, мы советуемся по поводу тех встреч, на которые мы приглашены этим вечером. Окажите услугу: помолчите пару минут, а то вы так истошно орете, что мы едва друг друга слышим.

Люди Мариньи разразились гневными воплями, к коим примешивались оскорбления, которые, приведи мы их в тексте, современный читатель нам бы вряд ли простил, разве что если бы мы использовали латынь или греческий.

– Такого и на ярмарке в Ланди не услышишь! – присвистнул Гийом.

– И даже на свином рынке, когда в бурлящие котлы бросают поросят с отрубленным окороком, или евреев, у которых отняли все их золотые экю.

Новая порция ругательств встретила эти слова Рике Одрио, который безмятежно опорожнил кубок. Но Мариньи взмахнул рукой. И посреди этой горланящей толпы вновь воцарилась тишина.

– Жан Буридан, – промолвил первый министр, – я даю тебе час. Пока можешь быть спокоен, но потом тебе придется предстать перед судом короля.

– Мариньи, – сказал Буридан, – я даю тебе месяц, так как, по слухам, именно такой срок отвел Филиппу Красивому мессир Жак де Молэ, но потом тебе придется предстать перед судом Божьим!

Буридан развернулся, и шестеро осажденных товарищей уселись за стол.

– Покончим же с обедом! – сказал Буридан.

* * *

Сгустились сумерки. В том зале, где находились Мариньи и его люди, зажгли факелы, которые отбрасывали красноватые отблески на стальные кирасы и оружие, но соседняя комната с осажденными оставалась погруженной во тьму.

Мариньи над чем-то размышлял.

О чем думал он в это мгновение, когда держал в своей власти человека, к которому испытывал ненависть, пусть и не такую, какую он питал к Валуа, но не менее глубокую? Думал ли он, что этот столь отважный, столь спокойный перед смертью юноша, возможно, заслуживает любви его дочери? Имелся ли в этой темной душе лучик сострадания, пробужденного восхищением? Кто знает? Прошел уже даже не час, а целых три, но Мариньи так и сидел у возведенных Буриданом укреплений, не отдавая приказа приступить к их разрушению. Его люди обменивались недоуменными взглядами и с той свободой, что царила в те времена, открыто выражали свое недовольство. На глухой ропот и проклятия Мариньи отвечал высокомерным молчанием. Наконец он словно вышел из долгой спячки, оглядел своих людей, которые задрожали под этим орлиным взглядом, поняв, что долгожданный момент настал, спокойно произнес:

– Пора заканчивать. Хватайте мятежников!

При этих словах ужасный, иступленный рев сотряс старинный особняк до самого его основания, и лучники Мариньи в беспорядке бросились на баррикады.

– В дорогу! – скомандовал Буридан.

Стоявшие позади укреплений Бигорн, Филипп, Готье и Рике просунули острые клинки своих шпаг и кинжалы в щели, образовавшиеся в переплетениях стульев, шкафов и кресел.

В это время Гийом спустился по веревке во двор. Затем настал черед Готье, и позади баррикады остались лишь четверо оборонявшихся.

Когда спускался Филипп, расколотый ударами топора сундук развалился на части, нагроможденные на него кресла со страшным грохотом попадали на пол. Осаждавшие испустили победный вопль.

Поспешно, один за другим, спустились во двор Рике, Одрио и Бигорн.

– Уходите, господин! – крикнул Бигорн, перед тем как исчезнуть в окне.

– Еще успею, – отвечал Буридан, отправляя на тот свет еще одного из нападавших.

В этот момент сквозь изрубленную топорами баррикаду в комнату ворвались первые из осаждавших. Но их победный крик перекрывал яростный рев первого министра.

– Помни, Мариньи, я буду ждать тебя у виселицы Монфокона! – вторил голос из темноты.

И Буридан исчез, растворившись в сумерках, на фоне рычания хищников, разбуженных этим необычным шумом.

Растерянный, преисполненный ненависти, Мариньи перегнулся через подоконник. Пронзительный взгляд выхватил из мрака спускавшуюся по веревке фигуру.

– Дьявол! – прохрипел министр, заскрежетав зубами. – Хотел бы я, чтобы ты умер не такой приятной смертью, да выбирать уж не приходится!

Мариньи выхватил кинжал и молниеносным движением перерезал веревку. Затем он наклонился еще больше, так, что едва сам не выпал из окна, но вместо крика агонии человека, разбивающего голову о мостовую, услышал одно лишь слово, которое проворчал или, скорее, прорычал высоченный Готье д'Онэ:

– Уф!..

Да, веревка оборвалась, но оборвалась в тот момент, когда Буридан был уже в нескольких футах от земли. Он упал на плечи Готье д'Онэ.

– Гром и молния! Какого черта ты делаешь у меня на спине, Буридан? – простонал Готье.

– Сам понимаешь: мне понадобилась лестница, поскольку веревка оказалась слишком короткой.

И Буридан проворно спрыгнул на землю.

Шестеро товарищей бросились к решетке первого двора. Там они обнаружили трех помощников Страгильдо, которые вышли посмотреть, не выбрались ли из клеток хищники. Готье набросился на первого. Гийом схватил второго; Буридан вцепился в горло третьему и тихо произнес:

– Если тебе дорога жизнь, мой дорогой друг, открой нам дверь, да поскорее, так как мы опаздываем на встречу.

Загон от улицы отделяла высокая ограда.

– Слушаюсь и повинуюсь, монсеньор! – пробормотал человек сдавленным голосом.

Буридан подтащил его к двери, и через несколько секунд слуга, знавший сложное устройство запоров, открыл.

Шестеро друзей выбежали на улицу.

В этот момент со стороны Лувра послышался шум, и вскоре при свете факелов из-за угла показался многочисленный отряд вооруженных людей. Во главе его бежал человек, который, вероятно, издали по открытой двери загона понял, что произошло, так как, грязно выругавшись, он повернулся к Югу де Транкавелю, командовавшему ротой, и сказал с кривой усмешкой:

– Дальше идти нет смысла. Этих зверюг уже не догнать!

Человеком этим был Страгильдо.

– Зверюг? – ужаснулся капитан стражников. – Эй, друзья! Будьте начеку: похоже, нам предстоит биться со львами короля.

– Да нет же, – сказал Страгильдо, пожав плечами, – если бы то были львы, я бы не назвал их зверюгами.

И на этом, пока испуганный Транкавель недоуменно чесал затылок, Страгильдо вернулся в загон, ворча сквозь зубы:

– Тупица Марины умудрился упустить эту шайку безумцев. Пора, похоже, перебираться в более милосердные земли... Кто открыл дверь? – спросил он холодно, обращаясь к собравшимся слугам, которые при виде хозяина затряслись от страха.

– Я! – промолвил один из них. – Меня заставили...

Больше несчастный ничего произнести не успел. Поднеся руку к поясу, Страгильдо выхватил короткий нож и нанес страшный удар чуть ниже плеча; человек, словно сноп, повалился на землю, забился в конвульсиях, а затем затих.

– Это научит вас слушать мои приказы, которые являются приказами королевы! – прорычал Страгильдо. – Уберите труп этого придурка! А теперь, кто видел, куда направились беглецы?

Трясущейся рукой один из слуг указал в направлении Центрального рынка.

Страгильдо выбежал из загона, тогда как его помощники принялись оттаскивать в сторону труп своего товарища.

V. Особняк Валуа

Колокола церкви Сент-Эташ пробили полночь, когда после быстрой пробежки шестеро друзей оказались на Гревской площади.

– Опоздываем! – выдохнул Буридан, устремляясь к Сент-Антуанской потерне.

Остальные следовали за ним молча, и в ночи эта кучка бегущих людей нагоняла страх даже на затаившихся на углах улиц грабителей.

– Стой! – прокричал в сумерках чей-то голос. – Прохода нет!

Ничего не ответив, Буридан опустил голову и ринулся вперед. Стычка, сплетение яростных теней, крики: «Караул! Помогите!..» – и шестеро товарищей миновали препятствие в лице преградившего им путь патруля.

– Один, два, четыре, шесть – все на месте! – произвел подсчет Бигорн. – Никого не потеряли. И однако же, сначала в доме д’Онэ, теперь в столкновении с этими бешеными патрульными, мы вполне могли и погибнуть. Что скажете, сеньор Филипп?

– А то, – холодно отвечал д’Онэ, – что в третьей схватке, которая состоится уже скоро, по крайней мере один из нас расстанется с жизнью.

– И кто же, если позволите, это будет? Мне бы очень хотелось это знать, потому что, если вдруг это буду я, то, клянусь святым Варнавой, я хотя бы исповедаюсь перед смертью. А так как ни у меня, ни у вас в кармане духовника, естественно, не найдется, то придется уж вам самому, сеньор Филипп, принимать последние признания доброго христианина, который может упрекнуть себя разве что в излишнем великодушии к парочке иудеев, коих он просто обязан был отправить к праотцам...

– Тот, кому предстоит умереть, – сказал Филипп, – в исповеди не нуждается.

– Ха-ха! И кто же это? – спросил Бигорн.

– Я! – отвечал Филипп.

Они продолжали бежать, ничего больше не добавляя, но Бигорн думал:

«Бедный молодой человек! Это же надо, так терять голову от любви!

Вроде и не совсем еще безумец, но все идет к этому!»

Они были у двери, указанной Жийоной.

Буридан постучал трижды, как и было условлено.

* * *

Вернувшись в особняк Валуа, Жийона обнаружила Симона Маленгра в той комнате, которую он занимал рядом с покоями графа.

Симон Маленгр сидел за столом и с любопытством разглядывал некий пузырек, который держал очень осторожно – двумя пальцами.

– Ты весьма кстати, – бросил он, заметив Жийону, – а то уже собирался кого-нибудь послать за тобой, моя милая невеста, так как у меня есть для тебя кое-какие распоряжения от монсеньора.

Жийона вздрогнула и сдержала слова, которые уже готова была высказать.

– И что это за распоряжения? – спросила она.

Маленгр, не ответив, поднял зажатый между указательным и большим пальцами флакон и, насвистывая какой-то мотив, принялся изучать содержимое пузырька с еще большим вниманием. Затем он рассмеялся.

– Подумать только, – промолвил он наконец, – сколько времени, Жийона, ты гоняешься за богатством! Так вот: оно здесь, в этом флаконе!

И Маленгр продолжил смеяться на свой обычный манер, то есть, скривив рот и обнажив свои расшатанные зубы.

Жийона, насторожившись, ждала и думала: «Вскоре придет мой черед смеяться!»

– Видишь этот пузырек, моя дорогая возлюбленная? – продолжал Маленгр. – Так вот: я купил его на улице Сен-Мартен у торговца травами, который не единожды оказывал услуги как нам самим, так и нашему господину и повелителю.

– Так это яд? – холодно спросила Жийона.

– Угадала, – сказал Маленгр с все той же дьявольской ухмылкой, которую мы описали чуть выше.

– И для кого?

– Вскоре узнаешь, мой милый друг. Есть сейчас в одной из темниц Тампля некая женщина... да ты ее знаешь – та самая, что находилась в Доме с привидениями на кладбище Невинных, та самая, за которой ты проследовала от Пре-о-Клер, и чей дом ты указала с присущей тебе услужливостью.

При воспоминании о сцене, на которую намекал Симон Маленгр, Жийона не смогла сдержать дрожь, бледное лицо ее налилось желчью.

– Ха-ха! – произнес Маленгр. – Вижу, ты затаила на меня обиду. И зря, Жийона: я поступил так ради нашего общего блага, раз уж мы собираемся пожениться, и доказательство тому – твое нынешнее положение, те почести, коими тебя осыпал монсеньор. Кстати, он просит тебя не только позаботиться о девчонке, но и...

– Убить старуху, – проговорила Жийона все тем же ледяным тоном.

– Ты самая умная из всех женщин, которых я знаю, – усмехнулся Маленгр. – В общем, бери этот прекрасный пузырек, отправляйся в Тампль, где тебе покажут нужную камеру, а там уж делай как знаешь. Ну, разве я был не прав, когда говорил, что твое богатство находится в этом флаконе?

Жийона задумалась, но лишь на мгновение: некий глухой, но настойчивый голос, прозвучавший где-то внутри нее, нашептывал, что уж теперь-то Симон Маленгр точно попался и никуда уж ему не деться. Его предложение прекрасно согласовывалось с ее планом, поэтому Жийона взяла флакон с улыбкой, которая ей самой казалась очень приятной, но которая в действительности была еще более безобразной, чем обычно, и сказала:

– Хорошо. Через два часа эта женщина будет мертва.

Сколь бы бесстрастным Маленгр ни был, но и он не смог удержаться от того, чтобы не вздрогнуть. Пару секунд он смотрел на женщину, столь холодно произнесшую эти слова, с восхищением, но в то же время и со страхом.

– Жийона, – сказал он наконец, – уверяю тебя, что несмотря на все наши распри, в итоге мы все же замечательно поладим.

– Да, – промолвила Жийона, – из нас получится довольно-таки отвратительная пара.

Маленгр потер пальцем нос, что было в нем признаком глубоких раздумий. Думал он следующее:

«Эта Жийона слишком умна для меня. Нужно от нее избавиться, и как можно скорее: если я ее не убью, то могу погибнуть от ее руки и сам. А так как погибать я не хочу, то я просто вынужден буду ее убить, и вряд ли хоть один доктор из Сорбонны не согласится с этим заключением».

Вслух же сказал:

– Вот увидишь, Жийона: все мои обещания сбудутся, и ты станешь богатой. Ты будешь купаться в золоте, его будет у тебя столько, что ты сможешь зарываться в него с головой... – Последние слова Маленгр произнес с мрачными интонациями. – Ты и сейчас уже, благодаря мне, являешься основным советником монсеньора. Но и это не все: я уже приступил к реали-

зации нашего главного плана: я разговаривал с Ланселотом Бигорном у Кривоногого Ноэля, в кабачке на улице Тирваш, и вскоре увижусь с ним вновь. Этот Буридан, Жийона, – (Жийона вздрогнула, и сильнейшее любопытство заставило ее наклониться к этому ужасному человеку), – этот Буридан с помощью Ланселота Бигорна вполне сможет сойти за сына монсеньора де Валуа, и тогда...

Симон Маленгр медленно поднялся на ноги. Лицо его оживилось, в маленьких моргающих глазках вспыхнул огонь. Тихим, преисполненным алчности голосом он произнес:

– И тогда, Жийона, в твой сундук упадут не несколько жалких экую, а всё состояние Валуа, которое из его рук перейдет в твои... в твои... слышишь? Так как я не желаю ничего другого, как быть твоим слугой, твоим преданным супругом, – ведь ты же знаешь, что я люблю тебя.

Симон Маленгр снова сел.

Почти с минуту беспокойно и лихорадочно все сопоставляя, Жийона пыталась понять, искренен ли Маленгр, и, вероятно, зародись в ее душе хоть малейшее сомнение, увидь она возможность использовать этого человека в своих планах, она бы отказалась от своих кровавых в отношении него помыслов. К несчастью для Маленгра, он счел нужным добавить к произнесенной им великолепной речи эти слова, которые такой женщине, как Жийона, говорить ни в коем случае не следовало:

– Ведь ты же знаешь, что я люблю тебя!

– Да, – сказала Жийона, – я знаю, что ты меня любишь, и как ты меня любишь, поэтому наше соглашение остается в силе, и, чтобы доказать тебе, что я тебе доверяю, Маленгр, я даже ослушаюсь ради тебя монсеньора. Пока я буду в Тампле, Миртиль не должна оставаться без наблюдения. Ты знаешь, что под страхом смерти я никому не должна говорить, в каком из помещений дома она содержится. Так вот: тебе я это открою.

Взяв оставленный Маленгром на столе пузырек с ядом, Жийона спрятала его под плащом и вышла из комнаты.

– Всё, теперь она у меня в руках! – пробормотал Маленгр себе под нос.

И он последовал за той, кого называл своей невестой.

– Она находится за той дверью, которой я коснусь мимоходом, – шепнула ему Жийона в коридоре. – Но запомни: если монсеньор узнает, что я указала тебе это место, меня уже ничто не спасет. Следуй за мной на расстоянии.

Жийона быстро зашагала вперед, спустилась по лестнице, пересекла двор, вошла в один из нежилых корпусов здания, поднялась на самый верх, прошла по коридору и на мгновение приостановилась перед одной из дверей, которой коснулась пальцем, а затем продолжила свой путь, спустилась с другого конца здания и направилась к небольшой дверце, что находилась позади комнат лучников.

Маленгр по-прежнему шел за ней. У дверцы Жийона остановилась, позволив ему нагнать ее.

– Запомнил дверь, до которой я дотронулась? – спросила она. – Малышка Миртиль – прямо за ней. А теперь слушай: сейчас я иду в Тампль, вернусь в полночь. Раз уж ты позаботился о моем будущем, Симон, будет справедливо, если я позабочусь о твоём. Есть у меня одна мыслишка, да такая, что если дело выгорит, тебе никогда не придется бегать за теми несколькими жалкими экую, о которых ты только что говорил.

– И что это за мыслишка? – спросил Симон, сказав себе, что, если есть возможность, перед тем, как убить Жийону, вытянуть из нее хоть что-нибудь, такой шанс упускать нельзя.

– Узнаешь, когда вернусь из Тампля, – промолвила Жийона.

– То есть в полночь?

– Да, в полночь. Будь здесь, у этой двери, я постучу трижды, ты откроешь, и, так как место это пустынное, никем не посещаемое, мы сможем объясниться, не опасаясь того, что нас могут подслушать.

И Жийона быстро удалилась.

Маленгр запер дверцу и, застыв на месте, погрузился в глубокие размышления.

– В полночь? Здесь? – пробормотал он наконец. – Что ж, приду. И что такого она хочет мне сказать?.. Ладно, проживем – увидим.

* * *

Проходя мимо окружавших особняк рвов, Жийона выбросила пузырек с ядом, который дал ей Маленгр, в воду, после чего перешла на более медленный шаг. На устах у нее играла улыбка, да и вообще все в ней пело при мысли о том неприятном сюрпризе, который она уготовила Маленгру. Вскоре она была уже в Ла-Куртий-о-Роз, то есть в том очаровательном домике, где она так долго жила с Миртиль. Сейчас это жилище выглядело заброшенным, но ничего в нем не изменилось. Она вошла в ту комнату, куда мы вводили читателя в начале этой истории, опустилась на табурет и там, в спустившихся сумерках, закрыв лицо руками, принялась размышлять о жизни.

Время прошло незаметно. На соседних колокольнях пробило одиннадцать вечера.

Жийона подождала еще несколько минут, затем встала, прошептав:

– Вот теперь пора – пора объяснить монсеньору, как Маленгр его предал, и если монсеньор вернется домой – а он обязательно туда вернется, – Симона, моего дорогого Симона, схватят в тот самый момент, когда он поведет Буридана к малышке Миртиль. Я же явлюсь как раз вовремя, чтобы увидеть, как поджарится на медленном огне мой милый женишок.

* * *

В назначенное время Симон Маленгр стоял у дверцы, ожидая сигнала, который должна была подать Жийона. Пробило полночь. Прошло еще несколько минут.

– Мерзавка не придет! – проворчал Маленгр. – Как знать, не разыграла ли она меня, – добавил он, почесав нос, – не готовит ли какое-нибудь предательство?..

В этот момент в дверь трижды постучали.

– Вот она, – произнес Маленгр.

Он открыл... И в ту же секунду – изумленный, ошеломленный, до смерти напуганный – застыл на месте: вместо Жийоны быстро вошли шестеро мужчин и заперли дверь.

– Ко мне! На помощь! – закричал Маленгр.

Больше ничего вымолвить он не успел: могучая рука Гийома Бурраска схватила его за горло, тогда как другая обрушилась на плечо, отчего у него подкосились ноги. В то же время Буридан приставил к его груди кинжал и сказал:

– Еще одно слово, дружище, – и ты труп!

– Я буду молчать! – прохрипел полузадушенный Маленгр.

– Хорошо. Отпусти его, Гийом.

Растерянный, весь в поту от страха, Маленгр обвел взглядом окруживших его людей, которые, казалось, тоже не ожидали его здесь увидеть.

– Так вот как ты встречаешь друзей? – проговорил один из них укоризненным, насмешливым голосом. – Ты навестил меня у Кривоногого Ноэля, в знатном притоне; я вот решил навестить тебя у Валуа, в притоне еще более знатном. Чему тут удивляться?

– Ланселот Бигорн! – прошептал Маленгр, немного успокоившись, так как он предположил, что эта странная авантюра есть не что иное, как продолжение того разговора, который состоялся у них с Бигорном в таверне на улице Тирваш.

– Где Жийона? – грубо спросил другой голос.

– Мессир Буридан! – пробормотал Маленгр, к которому вмиг вернулся весь его страх.

– Где Жийона? – повторил Буридан. – Говори, если не хочешь познакомиться с этим кинжалом.

– Не очень-то приятное будет знакомство, – усмехнулся Бигорн. – Три дюйма стали в животе представляются мне не самой здоровой пищей, так что, Маленгр, поторопись ответить. Если же, однако, ты предпочитаешь отправиться к праотцам, не стесняйся, скажи мне по-дружески, и, опять же по-дружески – иа! – я тебя исповедаю, так как знаю, что ты не менее добрый христианин, чем я сам. Исповедь, видишь ли...

– Может, ты заткнешься наконец, умник? – проворчал Гийом.

– Господа, – пролепетал Маленгр, – милейшие... я не знаю... Жийона... И потом, я нахожусь в услужении у монсеньора де Валуа...

– Довольно! Веди нас к Миртиль.

– Миртиль! – прошептал Маленгр, вытирая выступивший на лбу холодный пот. – Миртиль... О! Понимаю... – добавил он, задрожав от страха. – А! Так вот что уготовила мне эта презренная мерзавка!.. Господа, клянусь вам... Сжальтесь надо мною...

– У тебя есть минута, чтобы решиться, – сказал Буридан таким тоном, что Маленгр тотчас же понял, что шутить с ним никто не собирается.

В эту минуту последней передышки Симон Маленгр, который, как наши читатели уже могли заметить, был невероятно сметлив и расчетлив, быстренько прикинул свое положение и понял, что у него есть лишь два выхода: либо он подчинится требованию Буридана и тогда, несомненно, будет повешен сеньором графом де Валуа, либо он повиноваться откажется и тогда – что также не вызывает сомнений – будет заколот. Но холодную сталь кинжала он ощущал уже здесь и сейчас, тогда как месть Валуа представлялась ему перспективой далекой и туманной.

Так размышлял Маленгр, когда острие ножа вдруг больно укололо его в горло.

– Я отведу вас, отведу! – воскликнул он. – Пойдемте!

– Иди! – сказал Буридан. – Бигорн, встань рядом с ним; попытается бежать – прибай его дубинкой.

– Вот так-то, мой старый товарищ! – промолвил Бигорн, беря Симона Маленгра под руку. – Этот Буридан – да заберет его чума! – настоящий зверь, для которого слова «тактичность», «деликатность» ничего не значат... А ведь мы с тобой когда-то вместе грабили, жгли, раздевали прохожих – и всё это тихо, так, что никто из тех, кто имел с нами дело, и не думал жаловаться. Прибить тебя дубинкой! Не бойся: клянусь святыми Варнавой и Баболоном, я довольствуюсь тем, что просто тебя придушу!

Говоря так, Бигорн тянул за собой Маленгра в том направлении, которое жених Жийоны указывал, и вскоре весь отряд оказался в здании, где содержалась взаперти Миртиль.

Поднявшись по лестнице, семеро мужчин вышли к коридору, по которому пару часов назад проходила Жийона, и Симон Маленгр направился к указанной ему двери.

– Это здесь, – сказал он.

– Открывай! – прорычал Буридан.

– Открыть не могу, так как ключи есть только у Жийоны.

– Миртиль! – крикнул Буридан.

– Буридан! – отвечал изнутри преисполненный радости и надежды голос девушки. – Неужели это ты, Буридан?

– Да-да!.. Тебе нечего больше бояться! Ты спасена!

В то же время юноша надавил плечом на дверь, которая затрещала. Еще немного – и она бы поддалась... В этот момент в другом конце коридора раздался невнятный шум голосов и поспешных шагов, и появился вооруженный отряд, освещаемый неясным светом факела, который нес один из лучников.

– Проклятье! – вскричал Буридан.

– Наконец-то! Вот она – смерть, – прошептал Филипп с восторженностью, близкой к безумию.

Почти в тот же миг отряд, во главе которого бежал с трудом переводящий дух Валуа, налетел на шестерых друзей... В этом узком коридоре хриплое ворчание, гневные вопли, брань смешались с бряцанием стали... Вдруг коридор погрузился в непроглядную тьму: Ланселот Бигорн ударом кулака сбил с ног державшего факел лучника и подошвой затушил горевшую камедь.

Тогда заварушка превратилась в кошмарный сон, где мелькают лишь тени, а единственным ориентиром сражающихся становятся стоны и крики ярости.

Шестеро друзей в инстинктивном тактическом движении объединились в одну группу и, выставив вперед кинжалы, начали медленно отступать той же дорогой, какой и пришли.

Слышался голос Валуа, который кричал: «Смерть им!» и требовал принести еще факелов. Он был на несколько шагов впереди своих лучников, которые, не имея таких же причин рисковать своей шкурой, продвигались вперед с большей осторожностью.

Внезапно Валуа замолчал.

Лучники еще несколько минут продолжали метаться по темному коридору, выкрикивая угрозы противникам и осыпая их бранью.

Но – странная штука! – противники эти, то есть шестеро товарищей, до сих пор отвечавшие на оскорбления ругательствами, достойными героев Гомера, теперь молчали.

Вдруг отблески факелов осветили этот мрачный проход. Из глубины особняка подоспела подмога, и на сей раз с десятками огней.

И тогда лучники Валуа издали ужасный крик. Граф исчез, а вместе с ним – Буридан и его спутники.

Из какого-то закутка выплыла шатающаяся, дрожащая фигура: то был Симон Маленгр, который во время боя тихонько отполз в сторонку и который, распрямившись, теперь вопил во все горло:

– Караул! Режут!.. На помощь!..

– Арестуйте его, капитан! – сказал чей-то голос. – Это он предал монсеньора!

Симон Маленгр узнал Жийону и прошептал:

– Мне конец!

Больше ни о чем подумать он не успел: его повязали, подхватили и понесли в подвалы особняка, где – ошеломленного, полумертвого от страха – бросили в темницу.

Вскоре вокруг него воцарилась тишина.

Симон Маленгр присел на корточки, опустил голову на колени и зарыдал.

* * *

Как долго пробыл там этот бедняга, впавший в оцепенение, потрясенный ужасными мыслями, что так вертелась у него в голове? Этого, вероятно, не сказал бы и он сам.

День ли был на дворе или же ночь – этого он тоже не знал, так как в камеру его не проникал даже лучик света.

Действительно, дом Валуа, организованный по подобию Лувра, похожий на крепость, располагал, как и все тогдашние особняки сеньоров, собственными темницами, собственной камерой пыток, собственным позорным столбом и собственной же виселицей, которая висела на вершине башни, расположенной неподалеку от того места, где позднее предстояло появиться одной из башен Бастилии.

Прохожие, поднимая глаза на эту башню, довольно-таки часто видели чей-нибудь болтающийся на перекладине труп, зловещим часовым вставший на охрану Парижа.

И тогда прохожие говорили друг другу:

– Похоже, этой ночью монсеньор де Валуа вершил суд.

Именно в подземельях этой башни, где имелась также и комната для допросов, точнее – для пыток, были оборудованы темницы сеньора графа де Валуа, если слово «оборудованы» вообще применимо к примитивному устройству этих низких залов, вся обстановка которых ограничивается толстой цепью, прочно закрепленной на стене железными скобами.

Незадачливый Маленгр, ставший жертвой своей собственной алчности и расчетливости, находился, стало быть, в одной из таких темниц, не осознавая, сколько уже времени длится его заключение. Голода он не испытывал, но вот горло его обжигала невыносимая жажда.

– Ох! – простонал в этот момент несчастный узник. – Неужели я буду вынужден умереть от жажды? Чего бы я только ни отдал за то, чтобы хоть на минутку оказаться в кабачке Кривоногого Ноэля! О! Окажись я там, заказал бы целый кувшин ячменного пива, и самого свежего! – Он вдруг остановился, услышав шум за дверью. Кто-то пришел. Кто-то отодвигал запоры!..

Тогда, в неистовом порыве страха, он резко распрямился. Тогда он забыл о мучившей его жажде. Тогда он упал на колени, попытался поднять закованные в цепи руки и зарыдал:

– Пощадите, монсеньор! Не убивайте меня! Позвольте мне умереть здесь от жажды! Раз уж вы решили, что я должен умереть, какая вам разница, как я умру – от жажды или с веревкой на шее?..

Взрыв хохота был ему ответом.

Симон Маленгр поднял бледное лицо и увидел Жийону – похожая на одного из тех призраков, что наводняют наш мозг в часы горячки и кошмаров, та вошла в камеру, тихо приотворив за собой дверь. Закрепив принесенный с собой факел в специальном зажиме в углу камеры, Жийона повернулась к Маленгру и села напротив него.

С этим безмятежным видом и безразличными жестами она и в самом деле напоминала одно из тех видений, что являются невесть зачем невесть откуда, и вы ждете не дождетесь, когда же они исчезнут.

Села она прямо на плиточный пол в трех шагах от Маленгра, окинула его долгим взглядом, а затем расхохоталась.

Маленгру пришла в голову мысль, которую он счел гениальной, но от которой любой, кто присутствовал бы при этой сцене, неизбежно бы содрогнулся:

Он тоже расхохотался.

То было ужасно. Смех Жийоны – злой, желчный, предвещавший конец удовлетворенной мести; смех Маленгра – дрожащий на редких, расшатанных зубах, пробегающий по этим искривившимся от страха губам; эти два смеха столкнулись, соединившись в претовратительнейшую амальгаму.

Жийона вдруг перестала смеяться; Маленгр – тоже.

– Итак?.. – проворчала Жийона.

– Итак?.. – повторил Маленгр в тревожном хрипе.

Воцарилось долгое молчание. Затем Симон Маленгр промолвил:

– Если это была шутка, то весьма удачная! Впрочем, иного, Жийона, я от тебя и не ожидал!

– Правда ведь, удачная мысль меня посетила? – сказала Жийона с такой интонацией, что беднягу едва удар не хватил. – Подумать только, мой дорогой Симон, – ты всецело в моей власти, не можешь даже пошевелиться, и стоит мне только захотеть, как тебя тут же схватят и поволокут в камеру пыток. Вот сейчас ты ухмыляешься, но только подумай, какое будет у тебя лицо, когда тебя потащат на костер, когда ты начнешь поджариваться...

Из груди Симона Маленгра вырвался жуткий стон.

– Да что это с тобой такое? – спросила Жийона. – Или ты не знал, что тебе предстоит быть поджаренным на медленном огне? Я попросила монсеньора: «Не отправляйте его на костер, сеньор граф...»

– Славная Жийона! – пылко воскликнул Маленгр.

– Просто прикажите повесить его на вершине вашей главной башни, – продолжала Жийона с самым спокойным видом.

– О! – простонал Маленгр, заскрежетав зубами. – О! Чертова злодейка! О! Мерзкая уродина! О! Дьявольская потаскуха!

– И знаешь, что мне на это ответил монсеньор? – продолжала Жийона. – Он сказал мне: «Нет-нет! Я хочу видеть, какая у него будет физиономия, когда его уложат на горящие угли». Видишь ли, Симон, раз уж сам монсеньор хочет взглянуть на твою физиономию, ты вряд ли посмеешь отказать ему в этом удовольствии... а заодно и мне.

– Что я тебе сделал? – возопил несчастный Маленгр.

– Ничего. Но я тоже ничего не делаю – просто передаю слова графа. Кстати, мой дорогой Симон, не скажешь ли ты мне, где спрятал те эю, что взял у меня?

– Скажу, Жийона, клянусь моим местечком в раю, скажу, как только ты вызволишь меня отсюда.

– Ну да! – сказала Жийона. – Что ж: я не говорю «нет».

– Ты не говоришь «нет»? – пролепетал Маленгр, задыхаясь от безумной надежды.

– Кстати, мой возлюбленный жених, раз уж мы делаем друг другу признания, ты должен сказать мне, чем обладаешь, – я ведь тебе сказала. Раз уж мы должны пожениться...

– Должны пожениться? – пробормотал бедняга, которого эти фразы надежды и отчаяния опьяняли страхом, так как страх, подобный хмельному напитку, как и любовь, подобная добродушному вину, придает мозгу особое опьянение.

– Не ты ли обещал мне это? – продолжала Жийона. – Или уже нашел другую? – добавила она со зловещими интонациями комичной ревности.

– Нет-нет! Клянусь Богом, Девой Марией и всеми святыми, я люблю лишь тебя, Жийона, лишь тебя хочу видеть своей женой!

– В добрый час! А то я уже испугалась, что ты был мне неверен. Что ж, раз уж мы должны пожениться, раз уж я открыла тебе свое финансовое положение, теперь твоя очередь сказать, чем ты располагаешь. Скажешь – и я помогу тебе отсюда выбраться.

Симон Маленгр начал подозревать, что его положение не столь безнадежно, как ему думалось. Страх чуть отхлынул от его мозга, подобно тому, как вода при наводнении понижается, достигнув своего пика.

Но тут, как и после наводнений вновь становятся видны верхушки ушедших под воду деревьев, жадность, поглощенная страхом, вновь ожила в его душе:

– А располагаю я, моя бедная Жийона, сущими пустяками – примерно тысячей су, да и те отчеканены не в Париже.

Жийона встала и направилась к двери.

– Куда ты? – всполошился Маленгр.

– Пойду поищу палача монсеньора, – спокойно отвечала Жийона, – так как вижу, что тебе нужно немного вытянуть язык раскаленными щипцами, чтобы заставить быть с невестой искренним.

– Пощади! Остановись! Я всё скажу!

Жийона остановилась, повернула голову через плечо и замерла в выжидающей позе. Отчаянное сражение развернулось в душе скупца, который в конце концов опустил голову и застонал.

– Двести серебряных эю! – выдохнул он. – Ах, Жийона, ты меня убиваешь! Должно быть, я действительно тебя люблю, раз рассказываю про эти жалкие серебряные эю, которые я с таким трудом собирал монета за монетой.

Жийона сделала еще два шага к двери.

– Куда ты? – в ужасе взвыл несчастный.

– Ты – тупица, Симон Маленгр, и излечить тебя от твоей тупости могут лишь горящие угли в камере пыток.

– Постой! Ты знаешь всё, но на сей раз мое сердце может и не выдержать.

– Сколько? – безмятежно спросила Жийона.

– Восемьсот золотых эю! – прохрипел Маленгр и действительно, словно это признание могло его убить, без чувств упал на пол.

Жийона вернулась на место и принялась ждать, пока узник придет в сознание, даже не подумав оказать ему помощь.

Мучительный вздох дал ей понять, что Маленгр приходит в себя. Открыв глаза, бедняга посмотрел на Жийону с тем испуганным видом, какой бывает после кошмарных снов, и, рыдавший, забормотал:

– Двести эю серебром!.. Восемьсот эю золотом!.. Возможно ли это? Она забирает у меня всё! Жийона, оставь мне хотя бы половину! Пусть уж мне лучше отрубят руку и ногу, пусть останется лишь половина меня, но, по крайней мере, у меня останется и половина моих денег...

– Где ты их спрячешь? – грубо спросила Жийона.

– Сжался надо мной! – простонал Маленгр.

– Говори, или, клянусь сатаной, я приведу сюда заплечных дел мастера! Скажешь – и я открою замок, что висит на твоей цепи, ты выйдешь, и мы будем свободны, поженимся, объединим наши кубышки и станем богатыми. Решай же!

– В самом деле откроешь? – прохрипел Маленгр.

– Глупец! Ты прекрасно знаешь, что я слишком в тебе нуждаюсь, чтобы оставлять тебя гнить в этой камере. Одна я ничего не смогу сделать.

– Что ж, – сказал Симон Маленгр, в котором вновь забрезжил лучик надежды, – все свои сбережения я перевез в Ла-Куртий-о-Роз... они зарыты у ограды, под тем кустом шиповника, что растет слева; покопайся там, и ты найдешь мой жалкий сундучок.

Жийона вновь, как и при входе в камеру, расхохоталась, и от смеха этого несчастный Симон задрожал, словно осиновый лист на ветру.

– Слушай же, – проворчала Жийона, приближаясь к нему. – Ты меня ужасно напугал и украл мои эю. Примерно с час мне казалось, что я уже в Тампле, обвинена в колдовстве и вскоре буду сожжена на костре. Что ж: настал мой черед пугать тебя и забирать твои деньги. Только вот что, придурок...

Жийона сделала два шага вперед, наклонилась и вытянула вперед руки, словно собиралась вонзить в Маленгра свои когти, – тот подобрался, приготовившись, если понадобится, защищаться.

– Только вот что, придурок! – продолжала Жийона. – Ты у меня отнял лишь малую часть моих сбережений: под первым ларцом находился второй, а в этом втором, которого ты, идиот, не заметил, – огромная куча моих прекрасных золотых эю, которых никогда не коснутся твои грязные крючковатые пальцы... И вот что еще... Да, я испугалась, что меня сожгут живьем, как колдунью, и даже сейчас, как подумаю об этом, у меня мурашки бегут по коже! Но я всего лишь испугалась, тогда как тебя ждет действительность, ужасная действительность! Я сейчас же отправлюсь в Ла-Куртий-о-Роз! Твой сундучок, твои су, твои серебряные и золотые эю – все это теперь мое, Симон Маленгр! А ты, глупец, будешь строить гримасы монсьенору, который желает посмотреть, как ты поджариваешься на медленном огне, потому что...

В этот момент Жийона издала страшный вопль отчаяния.

Натянувшись, словно пружина, Симон Маленгр уловил тот единственный миг, когда, движимая ненавистью, Жийона подошла к нему слишком близко, и его длинные и худые руки, подобные лапам огромного паука, с громким шумом пришедших в движение цепей, сомкнулись на ее шее, и он завопил:

– Ага, попалась!..

* * *

В то время как в темнице разыгрывалась эта сцена между женихом и невестой, соединившимися таким образом в смертельных объятьях, лучники Валуа, рассыпавшись по особняку и его многочисленным пристройкам, активно искали своего сеньора графа, но Валуа как сквозь землю провалился. Многочасовые поиски и призывы ничего не дали, и солдаты вынуждены были признать очевидное: дядя короля Людовика X был похищен, а возможно, и убит Буриданом и его шайкой.

Капитан, командовавший военными силами особняка, отправился в Лувр и поведал об этом печальном событии королю.

При новости, что его ближайший советник и родственник был похищен бандой наглых разбойников, король пришел в страшную ярость. Королева задрожала, спрашивая себя, на что же еще способен Буридан, если уж он рискнул задумать, а главное – сумел претворить в жизнь столь дерзкий проект. Мариньи испытал глухую радость, которую он постарался не выказывать, и начал задумываться над тем, что Буридан, возможно, был бы неплохой партией для его дочери Миртиль. Что до прочих сеньоров двора, то одни обрадовались, другие огорчились – в зависимости от того, объединяли их личные интересы с Валуа или нет. Но все, по примеру короля, пытались изобразить на лице гнев и возмущение, потому в Лувре только ленивый не желал смерти Буридана, а также братьям Филиппу и Готье д'Онэ, коих общественное мнение рассматривало в одной с Буриданом связке.

– Этот Буридан, уж не дьявол ли он во плоти? – восклицал то и дело Людовик X. – Не приспешник ли сатаны?

И в то же время, дабы не терять привычки, он что есть силы колотил кулаком по небольшому столику, на котором стояли различные пузырьки и флаконы: столик и склянки разлетелись вдребезги.

– Сир! – сказал Юг де Транкавель. – Я видел этого юношу и могу вас заверить, что он один стоит десятых.

– Я тоже его видел, – добавил Жоффруа де Мальтруа, – видел в Пре-о-Клер, где он дрался как лев.

– Сир! – промолвил в свою очередь и Ангерран де Мариньи. – Я не далее как вчера вечером пытался арестовать этого человека. Со мной были двадцать лучников полевой жандармерии, во главе которых стоял лично мессир де Преси. На помощь нам пришли человек сорок моих собственных лучников, но этот Буридан так и не был арестован, притом что мы потеряли убитыми и ранеными с дюжину хорошо обученных бойцов.

– Похоже, этот мерзавец – храбрый малый! – воскликнул король. – Я это понял еще в тот день, когда у Монфокона он столь вызывающим образом требовал от меня правосудия... Правосудия против вас, Мариньи. Что ж... Будет ему правосудие.

Тем же утром, по приказу короля, герольд Шатле проехал по улицам Парижа, читая на всех перекрестках перед собиравшейся на звуки труб толпой пергамент следующего содержания:

– *Пункт первый.* За голову Жана Буридана, уроженца Бетюна, бакалавра Сорбонны, назначается цена в двести золотых эю.

– *Пункт второй.* Головы благородных сеньоров Филиппа и Готье д’Онэ оцениваются нами в шестьдесят золотых экю каждая, или же в сто двадцать золотых экю пара.

– *Пункт третий.* Головы Ланселота Бигорна, Гийома Бурраска, императора Галилеи, и Рике Одрио, короля Базоши, оцениваются нами в двадцать золотых экю каждая.

– *Пункт четвертый.* Всякому парижанину предписывается преследовать вышеуказанных мятежников.

– *Пункт пятый.* Любого, кто предоставит вышеуказанным мятежникам убежище, ждет смерть.

VI. Пленник Буридана

В узком коридоре особняка Валуа, где лучники графа столкнулись с отрядом Буридана, Бигорну, как мы помним, пришла в голову здравая мысль сбить с ног человека, державшего факел, и этот факел затушить. В полнейшем мраке, установившемся в результате сего действия, Буридан и его товарищи получили возможность, отступая, выбраться из этого прохода, где долго противостоять четверем, а то и пяти десяткам вооруженных людей они попросту не смогли бы.

Но, сколь бы быстрым ни был поступок Ланселота Бигорна, Буридан не упустил из виду стоявшего во главе лучников графа де Валуа.

В эту минуту, когда юноше стало понятно, что пробиться к Миртиль не удастся, им овладело отчаяние. Он сказал себе, что должен попытаться совершить невозможное, что, в конечном счете, уж лучше умереть, чем продолжать жить в разлуке с любимой, которая занимала все его мысли и была, так сказать, смыслом всей его жизни. С виду всегда сдержанный, даже несколько застенчивый после смелых предприятий, которые удивляли его современников, Буридан мгновенно принимал неожиданные решения и тотчас же действовал, скорее интуитивно, нежели продуманно. Увидев, что жизни его грозит опасность, увидев, что судьба вновь разлучает его с Миртиль, на сей раз, возможно, уже навсегда, он набросился на Валуа, трясуцимися руками вцепился графу в горло, оторвал от земли и передал трепыхавшееся тело находившимся рядом Гийому и Готье.

– Отходите к потерне! – скомандовал он хриплым голосом. – Да держите его покрепче!

Не особо понимая, что происходит, Гийом Бурраск и Готье д'Онэ схватили графа де Валуа и, не обращая внимания на его отчаянное сопротивление и крики, потащили за собой. Вскоре они были уже во дворе.

– Что он нам такое подсунул? – воскликнул тогда Гийом. – Похоже, какого-то упитанного поросенка, которого нам предстоит оттащить на свиной рынок.

– Уж не пьян ли ты, дружище? – проворчал Готье. – Неужто не видишь, что это монсеньор Карл, граф де Валуа, коего мы отвезем на ярмарку в Ланди – пугать детишек! Но, черт побери, ты прав: монсеньор вопит не хуже поросенка, которого режут! Подожди, сейчас я его успокою.

С этими словами Готье приложил пятерню к горлу графа и сдавил, да так сильно, что пленник не только умолк, но и потерял сознание.

– Клянусь головой Бахуса и животом Венеры, – пробормотал Готье с удрученным видом, – похоже, я его удавил. Следует признать, что эти Валуа как-то уж слишком легко умирают.

– Я вам всегда говорил, мессир Готье, что вам недостает деликатности, – серьезно произнес Гийом. – Какого черта вы жали так сильно?

Во время сего диалога эти двое, обливаясь потом, тяжело дыша, бранясь и ругаясь, продолжали бежать и вскоре шестеро товарищей, а также по-прежнему пребывавший в бессознательном состоянии граф оказались у дверцы, которую чуть ранее открыл им Симон Маленгр.

Буридан тщательно закрыл ее за собой.

– Неужели умер? – спросил он, мельком взглянув на Валуа. – Да нет – жив: вот уже и в себя приходит!

Действительно, в этот момент граф открыл глаза и с испугом осмотрелся. Какое-то время он, стиснув зубы, с отчаянием разглядывал эти шесть склонившихся над ним физиономий, а затем, приняв гордый вид, промолвил:

– Что ж, я в ваших руках, грязные разбойники: кончайте меня, да поскорее!

– Нет, монсеньор, – холодно проговорил Буридан. – По крайней мере, не сейчас. Убью я вас лишь в том случае, если вы сами меня к тому принудите. Если помните, у меня уже была возможность отправить вас на тот свет...

– Иа! – подтвердил Бигорн.

– Но я сохранил вам жизнь, – закончил Буридан. – Пока что идите... И не волнуйтесь: мы направляемся не к Монфокону... Так что не заставляйте вас упрашивать – идите сами, если дорожите жизнью.

Валуа бросил мрачный взгляд на свой особняк. Он увидел, как по дому носятся люди с факелами, услышал крики зовущих его лучников, но, понимая, что сопротивление бесполезно, и, возможно, надеясь на сей раз отделаться дешево, сказал:

– Хорошо, я пойду с вами по доброй воле!..

Отряд было двинулся в путь, но Бигорн остановил друзей, подняв руку.

– И куда же мы пойдём? – спросил он. – Мессир Филипп д’Онэ больше не может привечать нас в своем доме, который теперь для нас, что капкан для волков... А вы, я вижу, все еще живы? – (Филипп пренебрежительно пожал плечами.) – Не бойтесь, это ненадолго!.. Не можем мы укрыться и у госпожи Клопинель, которая, к слову, выставила меня за дверь с помощью метлы. Кабачок Кривоногого Ноэля представляется мне тем более недостойным монсеньора, что вышеназванный Ноэль, вероятно, сочтет себя оскорбленным – да он и сам вам это скажет – одним присутствием в его заведении господина графа и тотчас же отправится за королевской стражей или полевой жандармерией, а то, глядишь, и за обеими сразу, да еще и патрулем в придачу. Так что повторяю мой вопрос: куда пойдём?

– А не отправиться ли нам к Аньес Пьеделе? – предложил Готье. – Она меня очень любит, даже несмотря на мои измены, милая Аньес просто жить без меня не может, так что, полагаю, у нее...

– Пойдемте, – перебил его Буридан, – я знаю одно местечко, где мы сможем укрыться и предложить монсеньору достойное его гостеприимство. Никто, даже сама королева, не подумает нас там искать.

В то же время он шепнул пару слов на ухо Бигорну, с уст которого сорвалось глухое восклицание, затем на ухо Филиппу и Готье д’Онэ: первый сделался бледным как смерть, второй содрогнулся от ужаса. Несмотря на эти признаки изумления и страха, они зашагали прочь от особняка Валуа, и вскоре небольшой отряд – посреди него, мрачный и задумчивый, продвигался, не оказывая и малейшего сопротивления, сам граф де Валуа – растворился в ночи. Пройдя вдоль внутренней линии укреплений, они вышли к Сене напротив того небольшого островка, что позднее стал зваться островом Антраг, а еще позднее – островом Лувье, спокойно, без каких-либо злополучных встреч, перебрались на левый берег на одной из тех многочисленных лодок, которые моряки оставляли привязанными к тополям, росшим вдоль реки элегантной зеленой линией, и остановились перед мрачной каменной глыбой – Нельской башней.

* * *

Идея Буридана – укрыться в Нельской башне – была одной из тех, что подсказывает отчаяние. Она была ужасной. Она была трагической. Она, возможно, была неосуществимой. Если, как на то надеялся Буридан, проклятая башня вот уже несколько дней как оставалась необитаемой, если, как он полагал, Маргарита Бургундская действительно больше не осмеливалась там появляться после тех страшных событий, что там произошли, то лучше места и подобрать было невозможно, а мысль о том, чтобы препроводить туда плененного Валуа, была и вовсе из разряда гениальных. Если же в башне оставался некий гарнизон вооруженных людей или же слуг, Буридана и его товарищей ждала верная смерть. Это юноша и объяснил друзьям под

сенью старой ивы, ветви которой спускались к самой воде, словно дерево это тянулось к реке, чтобы выведать у нее тайны драм Нельской башни или шепотом повторить ей последнее проклятье жертв Страгильдо и Маргариты Бургундской.

– Как вы и сами понимаете, – сказал он, – то, что мы совершили, взбудоражит Лувр и весь Париж. Нельзя похитить дядю короля без того, чтобы король не взволновался. Завтра, через час, а может, уже и сейчас, нас станут искать, и тогда – загнанные, преследуемые от улицы к улице – мы неизбежно падем. Так что одно из двух...

– Да, – промолвил Рике, – преподай нам урок логики.

– Так что, – повторил Буридан, – одно из двух: либо эта башня необитаема, и тогда мы в нее войдем, обустроимся и хотя бы несколько дней проживем как у себя дома, либо она обитаема.

– И тогда, логично предположить, входить в нее мы не станем, – сказал Рике.

– И тогда, – продолжал Буридан, – мы все равно войдем в эту дьявольскую башню, после того, как сбросим в Сену всех ее обитателей. Такова вот моя логика. Возражения имеются? Тезис вы прослушали, так что, если кто желает представить антитезис...

Все хранили молчание и в течение нескольких минут смотрели на Нельскую башню – безмолвную, таинственную.

Буридан подошел к той небольшой сводчатой дверце, что ведет в вестибюль первого этажа, где уже бывали наши читатели. Сейчас дверь была закрыта на две огромные щеколды, с каждой из которых свисал тяжелый замок. Буридан несколько секунд изучал диспозицию, а затем подозвал Готье и показал ему замки. Готье улыбнулся, спустился к воде, вернулся с одним из тех громадных булыжников, коих хватает на берегах рек, и что есть силы врезал им по ближайшему к себе замку.

Глухие удары, вызвавшие долгое эхо в башне, не принесли никакого ответа. Вскоре замки были сбиты... Тогда Буридан вставил в замочную скважину лезвие кинжала, и после десяти минут работы дверь открылась. Шестеро товарищей и по-прежнему зажатый между ними Валуа вошли в вестибюль. Бигорн закрыл дверь и опустил внутренние засовы. Подвешенная к потолку при помощи цепи, печально горела масляная лампа, одна из тех старых ламп из кованого железа, у которых из горлышка выбивается коптящий фитиль, – возможно, Маргарита, оставляя здесь этот огонь, желала, чтобы у тех, кто его увидит, складывалось впечатление, что в башне все еще кто-то бывает по ночам. Бигорн отвязал веревку, которая держала цепь, опустил лампу и зажег один из факелов, установленный в специальной выемке в стене.

Они поднялись – грустный Филипп, бормочущий глухие проклятья Готье, бесстрастные Гийом и Рике – поднялись до того этажа, где некогда за пышно сервированным столом Филиппа и Готье столь чудесным образом привечали три сестры. Бигорн проследовал еще выше, до платформы башни, и, не обнаружив там ни единой живой души, возвратился.

– В башне никого нет, – сказал он.

– Да, – промолвил Буридан мрачным голосом, – в ней живут лишь призраки...

– И мои воспоминания! – прошептал Филипп, вздрогнув.

– Что ж, – продолжал Буридан, – как я и говорил, здесь мы можем чувствовать себя как дома. Бигорн, ты займешься провизией. Что до вас, господа, то я прошу вас оставить меня наедине с монсьею графом де Валуа, с которым я хотел бы обсудить один, совершенно личный, вопрос. Сблаговолите подождать меня этажом ниже.

Филипп, Готье, Гийом и Рике повиновались, как подчинились бы командиру, так как была в эту секунду в облике и голосе Буридана некая внушительная властность, и все поняли, что между ним и Карлом де Валуа сейчас произойдет что-то ужасное.

– Я не дал бы и денье за шкуру Валуа, – промолвил Гийом, спускаясь.

– Удивляюсь, что у меня еще не разорвалось сердце от этих воспоминаний! – вздохнул Филипп.

– По-моему, – сказал Готье, – Бигорну было поручено разыскать еду. Что-то я уже проголодался.

– А у меня еще и в горле все пересохло! – добавил Гийом.

Они поискали взглядом Бигорна, но того с ними на нижнем этаже не оказалось, – он остался наверху с Буриданом и Карлом де Валуа. Буридан дождался, пока товарищи выйдут из той комнаты, где они находились, то есть из своеобразной прихожей, которая на этом этаже башни предшествует залу для пиршеств.

Юноша не спускал с Валуа глаз.

Через несколько минут он отвернулся, чтобы сходить запереть дверь, и тогда увидел, что та уже заперта, а рядом с ней, прислонившись спиной к стене и скрестив руки на груди, спокойный и холодный, стоит Бигорн.

– Ты-то что здесь забыл? – резко бросил Буридан.

– Вы и сами видите, хозяин: жду, пока вы поговорите с монсеньором де Валуа, а без моего здесь присутствия, знаете ли, разговор этот и не может быть полным! Говорите же, мессир, а когда выговоритесь, то, в зависимости от того, что вы скажете, я тоже скажу пару слов, всего парочку, или же останусь нем как рыба.

Голос Ланселота Бигорна дрожал от странного волнения, и во взгляде его Буридан уловил еще более непонятную мольбу. Юноша на какое-то время задумался, но, вероятно, решив, что Ланселоту Бигорну, этому бывшему разбойнику, этому бывшему слуге графа де Валуа, известна некая связанная с ним тайна, пробормотал:

– Хорошо! Оставайся и слушай!

* * *

Граф де Валуа, спокойный и высокомерный, по крайней мере – внешне, сидел в том большом кресле, в котором когда-то перед Буриданом сидела Маргарита Бургундская. Не делая ни единого жеста, он не сводил глаз с картины, на которой была изображена Госпожа Красота, разве что левая его рука лежала на рукояти кинжала, а рукой правой он прижимал к себе длинную и мощную боевую шпагу – оружие весьма грозное, когда им действует такой человек, как он.

Буридан сел напротив.

– Монсеньор, – сказал он, – когда я имел честь пленить вас у Монфокона, когда затем отвел вас к виселице, которую ваш добрый друг, первый министр, приказал возвести на этом холме, признайтесь, что вы были в полной моей власти, и что, сохранив вам жизнь, я проявил крайнюю сдержанность. Не так ли?

Губы Валуа растянулись в горькой и пренебрежительной усмешке.

– Вы хитростью и гнусностью, – проговорил он со спокойствием человека, который уверен в том, что и на сей раз с ним не случится ничего страшного, – заманили меня в ловушку, захватив мою персону, которая, будучи персоной человека благородного, персоной представителя королевской фамилии, должна быть для вас вдвойне священна; вы натравили таких же бандитов, как и вы сам, на сопровождавших меня господ, которые до сих пор еще не оправились от полученных тогда ран...

– Они еще легко отделались, – уточнил Бигорн, – так как должны быть не в постели, а в могиле, ввиду того, что сам Варнава...

– Помолчи, Бигорн! – оборвал его Буридан.

– Умолкаю, но, клянусь святым Варнавой: всякий раз, когда у меня чешется язык, вы заставляете меня его проглатывать; когда-нибудь вам придется и вовсе его у меня вырвать...

Валуа продолжал:

– В ту нашу встречу, о которой вы смеете вспоминать, вы совершили сразу несколько преступлений, и тот факт, что меня не убили, ничуть не умаляет вашей вины.

– У вас своеобразный взгляд на жизнь, монсеньор, который свидетельствует о том, что вы – человек великодушный. Оставим это... Когда мы вновь встретились в Пре-о-Клер, то и там, если вы помните, в какой-то момент я мог нанести вам удар рапирой, который, по всей видимости, стал бы для вас последним. Я этого не сделал. Почему? Не знаю. Видите ли, монсеньор граф, нам с вами, судя по всему, суждено было встретиться. Вы оказались на простенькой тропинке моей жизни, вы, который шагаете по широким дорогам, не зная никаких хлопот. Вы ни в чем не нуждаетесь, монсеньор, тогда как я живу более чем скромно. Почему же вы не хотите дать мне жить этой скромной жизнью? Вы богаты, я беден; вы знамениты, я никому не известен; вы могущественны, я слаб; вы являетесь на небосклоне Парижа одной из тех ярких звезд, на которые народ едва осмеливается поднимать глаза, я же здесь – лишь неощутимая песчинка, которую вы можете раздавить ногой, сами о том не догадываясь. У вас ведь всего достаточно, так почему бы вам не оставить мне ту кроху счастья, которой меня одарили скупые небеса?

Голос Буридана прерывался от глубочайшего волнения, мужественная, благородная искренность освещала его худое лицо. Валуа смотрел на Буридана с мрачным пренебрежением. Горделивое сердце вельможи не стучало от сострадания к этому так унижавшемуся перед ним юноше.

– Что вы хотите? – спросил граф грубым голосом.

– А вот что: я хочу, монсеньор, предложить вам мир, честный мир, который я обязуюсь неукоснительно соблюдать.

Валуа расхохотался.

Чем более Буридан делался скромным, чем более искренним становился он в излинии своих чувств, тем более Валуа, уверенный в том, что юношу переполняет страх, выказывал свое презрение.

– Мир между нами, разбойник! Да ты обещан палачу! Если я что и могу принять с твоей стороны, так это мольбу о моем великодушии.

Буридан сохранял хладнокровие, но по едва заметному сведению бровей Бигорн, который не выпускал хозяина из виду, понял, что в этом ясном, методичном и непоколебимом мозгу зреет буря.

– Как я уже сказал вам, – произнес он, – я всего лишь песчинка; вы же – дядя короля, возможно, завтра и сами – король. Но иногда и песчинки бывает достаточно, чтобы развалить империю: берегитесь, монсеньор, как бы я не стал этой песчинкой! Я предлагаю вам мир. Мы здесь же заключим соглашение. Мы совершим обмен. Я вам пообещаю никогда на вас не нападать; пообещаю не только нейтралитет по отношению к вам, но и уважение, на которое вы имеете право, по крайней мере, в силу вашего происхождения. Я пообещаю вам даже больше, монсеньор: если когда-нибудь вам понадобится моя преданность, если когда-нибудь вам понадобится человек, готовый совершить для вас нечто дерзкое, опасное, невозможное, дайте мне знать, и Буридан охотно рискнет для вас жизнью...

– И в обмен на все эти прекрасные обещания что должен сделать для вас я, молодой человек? – спросил граф с насмешливой улыбкой.

– Ничего, за исключением одной вещи, одной-единственной, которую я вам укажу. Я не прошу ни вашей благосклонности, ни вашей протекции...

– И что же вы просите? – спросил Валуа с легким удивлением.

– А вот что, монсеньор! – отвечал Буридан, во взгляде которого зажегся огонек надежды. – У Монфокона я сделал вам признание, от которого зависит вся моя жизнь, сказал вам, что люблю одну девушку...

Валуа резко дернулся, и Бигорн отметил это движение.

– Эта девушка, – продолжал Буридан, – была тогда вашей узницей, или, по крайней мере, была таковой прежде, пусть и не очень долго. Как видите, монсеньор, судьбой было предназначено, чтобы та, которую я люблю, будучи вывезенной королевой из Тампля, стала вашей пленницей и теперь находится в особняке Валуа.

– Кто вам сказал, что Миртиль находится в моем особняке? – прохрипел граф.

Буридан уже открыл было рот, чтобы ответить, но Бигорн, опережая его, проговорил:

– Симон Маленгр.

– Монсеньор, – продолжал Буридан слегка дрожащим голосом, – верните мне Миртиль, поклянитесь, что никогда больше не станете ничего замышлять против нее, и я стану вашим преданным слугой.

Несколько минут Валуа молчал. Странное волнение отражалось теперь на его лице. При имени Миртиль, им же самим и произнесенном, он побледнел и задрожал. Он смотрел на Буридана уже не с презрением, уже не с горделивым высокомерием могущественного сеньора, говорящего с жалким студентом, но с ревностью человека влюбленного, столкнувшегося лицом к лицу с более удачливым соперником. Он забыл даже то, что, по сути, он был пленником Буридана, находился в его власти... Его трясло от ярости...

– Я не отдам вам эту девушку, о которой бы говорите с такой дерзостью и к которой должны относиться с тем почтением, с каким чернь обязана относиться к представительницам самых знатных фамилий! Я не отдам ее вам по двум причинам. Во-первых, потому, что вы смеете ее любить!

Смертельно побледнев, ослабевшим от страха, который подкрался к самому сердцу, голосом Буридан произнес:

– А во-вторых?

– Во-вторых же, – прорычал Валуа, – потому, что я сам люблю ее!..

Буридан прикрыл лицо рукой, словно получив жестокий удар.

Напряженный, бледный, весь в поту, он поднялся на ноги и промолвил:

– Монсеньор, имею честь сообщить вам, что один из нас двоих сейчас умрет.

В то же время он обнажил рапиру, воткнул острый ее конец в пол и добавил:

– Я к вашим услугам!.. Конечно, я мог бы вас убить, так как вы – моя добыча; я пленил вас в бою. Я вполне мог бы, имея на то полное право, при помощи моих товарищей, заколоть вас как побежденного противника, после чего нам всего-то и нужно было бы, что затащить ваш труп на верхнюю площадку этой башни и сбросить в Сену. Я же предлагаю вам честный бой, какой предлагал Ангеррану де Мариньи. Защищайтесь же, монсеньор, защищайтесь, или, клянусь Господом, я выпущу вам кишки!

Храбрости Валуа было не занимать. Он был статен и прекрасно владел всеми видами оружия. Поняв, что дуэли не избежать, он тоже вскочил на ноги и в следующее мгновение соперники встали в стойку, и зазвенели шпаги.

Бигорн, единственный свидетель этой схватки, замер, превратившись, если можно так сказать, в статую: вот только лицо его, загоревшее под солнцем больших дорог, казалось, несколько более, чем обычно, светилось свинцовым блеском.

Валуа сразу же с неудержимой яростью ринулся в атаку. Держа обеими руками тяжелый боевой палаш, он поднял его, чтобы нанести свой коронный удар, призванный расколоть противнику череп. Палаш резко опустился, разбив на куски одну из плит пола: Буридан избежал удара, отскочив в сторону.

Стремительный посвист рассекающей воздух стали. Несколько коротких и хриплых междометий. Отчаянное шарканье подошв сапог. Внезапная борьба сцепившихся, готовых придушить друг друга мужчин. Отшвырнув в сторону шпагу и выхватив кинжал, Буридан набросился на Валуа и с силой прижал того к стене. Преисполненный бешенства и ужаса рык. Валуа

уже на земле, Буридан сверху: колено – на груди, левая рука тянется к горлу, тогда как правая заносит кинжал.

– Отдашь мне Миртиль? – выдохнул юноша.

Заскрежетав зубами, Валуа закрыл глаза и ответил:

– Нет!

– Умри же!.. – вскричал Буридан.

И в молниеносном жесте рука его взметнулась вверх для смертельного удара.

Но так и не упала.

Кинжал замер в нескольких дюймах от груди распростертого на полу Валуа.

Кто-то перехватил запястье Буридана. Этим кем-то был Ланселот Бигорн.

– Дьявол! – прорычал Буридан. – Ты тоже хочешь умереть?

– Жан Буридан, – торжественно молвил бетюнец, – ты не убьешь этого человека!

– Почему? Почему? Почему? – закричал юноша, все более и более повышая голос.

– Потому, что этот человек – твой отец! – отвечал Бигорн.

* * *

Ланселот Бигорн и Буридан находились в комнате, что соседствовала с той, где развивались события сей драмы. Как здесь оказался Буридан? Как он затащил сюда Бигорна? Какие суматошные мысли пронеслись в его голове? Что именно случилось после того, как Бигорн произнес слова, столь чудовищные в подобных обстоятельствах? Этого Буридан уже не помнил. Ланселот, последовав за юношей, тщательно закрыл дверь комнаты, в которой остался Валуа.

И сейчас Буридан и Бигорн, оба – невыразимо бледные, стояли друг напротив друга. Бигорн – более спокойный, чем обычно, со странным выражением торжества на хитрой физиономии. Буридан – слабый, как дитя, с болью в сердце, растерянный, не знавший, что и думать.

– Говори! – прохрипел Буридан. – Объяснись, или, клянусь Богом, прежде чем безумие заполонит мой мозг, я убью тебя вместо этого человека, который, по твоим словам, приходится мне отцом!

И уже более тихо, с бесконечным изумлением, он повторил:

– Мне?! Отцом?!..

– Монсеньор, – сказал Ланселот Бигорн, – а теперь, когда вы знаете, что являетесь его сыном, мне, безусловно, придется называть вас так; монсеньор, объяснение будет ужасным, это правда, но очень простым. Этот ребенок, которого там, в Дижоне, мне поручили утопить, этот ребенок, чья история так вас растрогала, когда я вам ее рассказывал... малыш Жан... сын госпожи де Драман... сын Карла, графа де Валуа, посланника Франции в Бургундии... так вот, этого ребенка, монсеньор, я тогда не утопил, вы не ослышались. Я оставил его в одной заброшенной хижине, намереваясь позднее вернуть матери... Там его и нашли некие люди и увезли... Знаете куда?.. В Бетюн, что находится в графстве Артуа!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.